

Город. Районы

Автор:

Дмитрий Билик

Город. Районы

Дмитрий Александрович Билик

Город #2

Мы пережили волны новичков, победили неведомую тварь и даже уничтожили штаю бешеных собак-мутантов. Однако рашслаблятьша рано. На ношу война районов, где каждый хочет завладеть нашими припашами. И не штоит шпишивать шо шчетов Голош, который вше время норовит подложить нам швинью. Но это ничего. Ведь ш нами Шипаштый. Вторая книга из цикла «Город».

Дмитрий Александрович Билик

Город. Районы

Теперь весь мир стоит на краю, глядя в чертово пекло. Все эти либералы, интеллектуалы, сладкоголосые болтуны... И отчего-то никто не знает, что сказать. Подо мной этот ужасный город. Он вопит, как скотобойня, полная умственно отсталых детей. А эта ночь воняет блудом и нечистой совестью.

Монолог Роршаха, «Хранители»

Глава 1

Как бы сильно ты ни боялся, нельзя вечно жить в страхе. Постепенно предостережения о большом и опасном звере в лесу, которого много лет никто не видел, начинают казаться глупыми выдумками и мифами. Да и к тому же человеку нельзя постоянно бояться. Опасно для здоровья. Страх – это стресс. А наша гибкая психика решает, что для нормального функционирования всего организма жить в постоянном стрессе нельзя, и притупляет его источник.

Так произошло и с нами. Со времени бесплатной «рекламы» группы Шипастого, а прямыми словами – подставы со стороны Голоса, – прошло несколько дней. Воздушный патруль в лице Крыла обнаружил лишь пару одиноких разведчиков, приходящих с востока. Оттуда, где жили Молчуны. Но даже если они и хотели пощупать нас за вымя, то никаких более активных действий не предпринимали. Осматривали кварталы, разок сунулись, но оказались понятливыми парнями: услышав предупреждающий выстрел в воздух, ретировались. Вообще с ними бы неплохо переговорить. Кто знает, вдруг у нас получится нечто вроде коалиции? Против кого-то дружить всегда веселее, чем друг против друга.

Что до наших «близких приятелей», то не далее как вчера Крыл слетал к энкам. Однако те занимались своими обычными делами – пили чифир, курили и играли в карты. И явно думали, что даже в этом месте можно спокойно существовать. Ага, что-то мне подсказывает, у Голоса на это есть свое, особое мнение.

Я говорил всем, что расслабляться рано, нападение будет в любом случае, однако постепенно вся группа все больше расхолаживалась. Чисто по-человечески я их понимал. Собаки исчезли с улиц; ужасных монстров, которых нам по дружбе поставлял Голос, тоже видно не было; от внешнего мира мы отрезаны с двух сторон стеной. Прибавить сюда то, что нам в ближайшее время вообще не надо было высовываться из квартала – еды теперь навалом, – так и вовсе благодать. Живи – не хочу.

Однако я знал, что для бойца нет ничего хуже, чем сытое безделье. Поэтому хоть как-то пытался гонять свою группу. К примеру, в первые два дня мы расстреляли почти полторы сотни патронов. Причем Алиса буквально понюхала пороховые газы и нажала на спусковой крючок пару раз. Я убедился, что с «Валом» у нее тоже нет никаких проблем, и, к явному неудовольствию девушки, вывел ее из группы подготовки.

Чуть позже я проделал то же самое со Слепым и Корой, решив тратить патроны лишь на самых безнадежных. И то не упирался до фанатизма, понимая, что снайперов я из Громуши или Психа явно не сделаю, а вот потратить весь боезапас могу.

«Вал» действительно ужасно замасливался. Почти все ходили с черными руками, которые еле отмывались. А еще, вдобавок ко всему, я постоянно чистил автомат. Что называется, если человек не выбирает хобби, хобби выбирает его.

Ко всему прочему, я добавил пробежки и короткие спарринги. Понятно, что тому же Психу или Коре основы рукопашного боя так же полезны, как лысому расческа. Но по мне, хуже явно не будет. А если где-то пригодится, то все меня еще вспомнят добрым словом. К тому же лучше хоть какое-то занятие, чем праздное шатание.

По вечерам мы много времени проводили с Крылом, рассматривая карты, которые пацан успел себе перерисовать. Город был огромен и не везде расчерчен кварталами. Ближе к центру архитектура менялась, создавая причудливые узоры из домов различной формы и мостовых.

Вообще по этому поводу мы обломали с пацаном немало копий. Нужно ли пробовать идти к центру Города или оставаться здесь?

- Не случайно же Голос дал нам эти карты, - пожал плечами Крыл.

- И не случайно слил нас всем жителям Города. Голос - он такой, парень с особенностями, - парировал я.

- Но вдруг там что-то есть? - предположил Крылатый.

- А вдруг там ничего нет? - ответил я. - Все, на время вопрос закрыт. Ты все равно не долетишь до центра. Слишком далеко. Значит, пока ждем дальнейших указаний от Сам-Знаешь-Кого и сидим в квартале.

Ну а что? Не зря же мы укрепились стенами. Больше того, мы даже стали кое-где забивать ставнями окна второго этажа. Не то чтобы мы предполагали присутствие ниндзя среди жителей Города, но делать все равно было нечего. А

раз уж мы решили превратить наш квартал в неприступную крепость, то чего останавливаться?

Но в то же время я понимал и другое. Крыл, наверное, сам не осознает, однако говорит правильные вещи. Уж не знаю, какой замысел у Голоса и планируются ли дальнейшие поставки продуктов, но вскоре начнется глобальная заварушка. У нас, допустим, еда пока есть. И даже каким-никаким оружием удалось разжиться. Но у жителей в ближайшем районе всего этого может не оказаться. И тогда с призывом «Грабь награбленное» и красивыми одноцветными флагами они двинутся к нам. Уже проходили, больше не надо.

Поэтому в путешествии, не обязательно к центру, есть крохотная доля здравого смысла. В природе выживает только то травоядное, которое постоянно перемещается. И как бы мне ни хотелось, после всего увиденного в Городе я не мог назвать нас хищниками.

– И что мы будем тогда делать? – спросил Крыл.

– Ждать нападения.

– Дядя Шип, ты опять? Уже сколько дней прошло. Никто не собирается на нас нападать. Они знают, что у нас оружие, и боятся. К тому же мы никого не обидели. Кроме людоедов. Но так они были плохими и людей ели. Вряд ли за них кто-то спросит.

Мысли Крыла путались, эмоции брали верх над здравым смыслом. Хотя, если сравнивать нас, то он был явно умнее меня. Я в его годы самогон пил и лавировал между возможностью подцепить триппер и сесть.

– «Плохой, хороший»... – усмехнулся я. – Разницы никакой, Крыл. Главное – у кого ружье. И я рад был бы ошибиться, сынок. Но будь уверен, вскоре найдется желающий посмотреть, как мы тут живем.

А вообще какие у нас варианты еще были? Только если переехать. Пустых кварталов вдали от парка хватало. Но чтобы такой хороший, как мой, – таких единицы. Да еще учесть, сколько мы сил вложили в оборону. Сделать подобное в чужом квартале – занятие небыстрое. Убить придется как минимум неделю, а то и больше. И в это время мы будем словно беззащитные зайчата, на которых

набрела лиса.

– Мальчики, а вы теперь к ужину спускаться никогда не будете? – на пороге появилась Алиса.

Вообще красотка стала позволять себе достаточно много. К примеру, не давала знать, что поднимается по лестнице. Хорошо, что я уже узнавал ее шаги. Или могла взять и прийти тогда, когда захочет. Как та самая кошка, которая гуляет сама по себе.

И я вроде разговаривал с ней, наказывал (разными способами, в том числе даже ставил в наряд), но Алиса воспитывалась плохо. Я уперся в педагогический тупик. Что называется, видели глазки, что брали, теперь хоть повылазьте.

– Если бы не я, вам бы рыбного пирога вообще не оставили, – с ловкостью циркача Алиса вытащила из инвентаря две тарелки.

Пахло съедобно. Мешок муки, найденный в бомбоубежище, пришелся как нельзя кстати. Алиса у нас не пекла, а вот у Громуши выходила вполне неплохая сдоба. Это не считая обычного хлеба.

– Я у себя поем, – Крыл схватил тарелку, сразу поняв, что красотка пришла сюда не просто так. Алиса вообще никогда и ничего не делала просто так. – Еще поспать надо. Все равно сегодня в ночь дежурить.

– Спокойной ночи, Крылик, – проворковала она. – Шип, а ты не наедайся сильно. А то у меня на тебя планы.

Ну вот, Шипастый, дожили. Теперь ты самому себе не принадлежишь. Подчиненные тебя не слушаются, ешь ты по команде, что дальше? Заставят прыгать через горячий обруч? По-хорошему, стоило сейчас жестко поставить эту выскочку на место, оборвать все эти деструктивные половые связи.

Так и сделаю... Разве что чуть попозже. Потому что в это самое мгновение Алиса несколькими движениями избавилась от одежды и медленно, будто дразня, подошла ко мне. Сам не заметил, как руки притянули ее к себе, а губы жадно нащупали горячий сосок.

Может, это во мне какие-нибудь психологические проблемы из детства? Мать, там, недолюбила или еще что... Вот я и ищу постоянно утешение в женской груди. Нет, не зря же у меня к ней такая нездоровая тяга.

- Вот правильно говорят, старый конь борозды не портит, - тяжело дыша, Алиса слезла с меня после продолжительной скачки.

- Но и глубоко не вспашет, - закончил я поговорку. - А что, я такой старый?

- Не во всем, конечно, - Алиса шаловливо провела ноготком мне по груди.

- Для меня старые - это те, которые вместо «кипиш» говорят «хипиш».

- А для меня - те, кто использует оба этих слова. И еще иногда ты брюзжишь, как древний дед.

- Потому что в группе должна быть строгая дисциплина...

- Вот-вот, как сейчас, - усмехнулась Алиса, надевая футболку. - И привычки у тебя старперские.

- Например? - удивился я.

- Взять вот тот же диван. Давно бы выбросил его, притащил сюда нормальную кровать. Я бы у тебя оставалась. Все равно и так все знают, что мы...

- Телами дружим? - хмыкнул я. - Ну, секс - это одно, а вот жить с кем-то, впускать его в свой мир, терпеть чужие привычки - это, уж прости, совершенно другое. Может, этот диван - мой единственный шанс для тихой и счастливой жизни. Бог с ним, пусть старперской.

- Шип, ты иногда бываешь таким коз... нехорошим человеком, - сверкнула глазами Алиса. И уже в дверях добавила: - Спокойной ночи.

- И тебе.

Стерва, но что-то человеческое в ней осталось. Я увидел это там, в бомбоубежище. Однако на сексе она повернута так, как я не был в лучшие годы. Мне жаль ее парня в том, прошлом мире. В том, что он был, может, даже не один, я не сомневался.

Зато я с удовольствием в полном одиночестве съел рыбный пирог. Не сказать что произведение искусства. На мой взгляд, тесто чуток жестковатое получилось, но спросите у любого жителя Города, как давно он ел пирог. Ответом будет недоуменная физиономия.

Я умылся, лег на свой продавленный диван, который пока еще спасал от нежелательных супружеских отношений, достал бутылочку кофейного ликера собственного производства и пригубил. Эх, хорошо!

И надо всего лишь растопить сахар до состояния «почти прилипшая ко дну кастрюли хрень», дать настояться кофейной жиже, все процедить, смешать. Конечно, сюда бы еще ванили, а вместо водки – рому. Бах – и ты теперь не стареющий алкоголик, а этот, как его, еле вспомнил... кавист.

Конечно, веселого мало, но без двухсот грамм я в последнее время и уснуть не мог. Вечерние дозы «лекарства» никак не отражались на моем состоянии. Похмельем от этого я не страдал. Для подобного надо было бочку водки выпить. Но вот то, что бухло категорически заканчивалось, меня беспокоило. И ведь не устроишь вылазку ради поиска «припасов». У нас все есть. К тому же подвергать группу риску ради того, чтобы выпить, – самое хреновое, что я мог сделать. Будем против воли становиться трезвенниками. Правда, внутреннее чутье мне подсказывало, что с этим возникнут определенные трудности. И скорее всего, даже не у меня.

Но я привык решать проблемы по мере их поступления. Что называется, будет день – будет и пища. Сейчас же лишь услышал, как Слепой усталой, шаркающей походкой спускается вниз. Значит, в ружье встал Крыл.

Я прикрыл глаза, довольный приятным расслаблением в теле, которое принес алкоголь. Мышцы стали мягкими, податливыми, голова – на удивление легкой. Сон нежными волнами накатил на меня, увлекая в свои объятия. И будто я снова не зрелый мужик, а маленький мальчик, которому только что родители подоткнули одеяло...

Внезапный выстрел разорвал тишину в клочья и заставил меня сесть, судорожно соображая, что произошло. Где я? Сколько спал? Что случилось?

Вопросы выскакивали один за другим, словно жареный хлеб из тостера. Ответы приходили не сразу, а с некоторым запозданием. Так, я Шипастый, это моя квартира, сейчас ночь... Хотя нет, почти утро, стреляют снаружи. Блин, Крыл!

На осознание всего ушло несколько секунд. Мой мозг слегка ускоряли выстрелы, которые, пусть и были одиночными, но не стихли. Нападающие будто кого-то искали в темноте. Теперь стало ясно, что огонь ведут с нескольких точек. Не нападут, да? Боятся? А дядя Шип говорил, дядя Шип предупреждал...

На лестницу я вылетел уже зеленый, чрезвычайно собранный – легкого опьянения как не бывало. В руках я сжимал «Вал». Сейчас мы с тобой немного повеселимся.

Конечно, мне было интересно, кто решил попортить собственную шкуру и напасть на нас. Если предположить логически, то зэки. Сейчас утро. А путь до них не близкий. Вот они и выдвинулись в сумерках, чтобы Крыл их не отследил. А до этого благополучно пудрили ему мозги своей исключительной пацифичностью. В карты они играют и чифир пьют. Прямо детсадовские мальчишки-одуванчики, а не рецидивисты.

К слуховому окну я подобрался со всей осторожностью. Как бы меня ни гнали адреналин и желание узнать, как там Крыл, торопиться сейчас – самое худшее, что я мог предпринять.

Быстро выглянул, мгновенно оценив всю площадку на крыше, и тут же присел, сменив местоположение. Запоздало раздался выстрел. Пуля пробила шифер и застряла в рубероиде. Что-то медленно ты реагируешь, дружок-пирожок. А я вот быстро. За короткий промежуток времени мне удалось понять многое.

К примеру, что Крыла нет. Если бы его ранили, здесь были бы следы крови. Они отсутствуют, значит, пацан успел улететь. Каким образом – узнаем потом. Самое главное, что удрал.

Едем дальше. Стреляет негодяй из «Калаша». Этого зверя я ни с чем не спутаю. И стреляет с крыши Слепого. А как мне известно, там есть только одно

нормальное место, откуда можно вести огонь. Забавно другое: как этот недотепа умудрился в Крыла не попасть. Тут же метров пятьдесят, не больше. Ладно, сейчас мы на него поглядим.

Я закрыл глаза и несильно надавил на глазные яблоки. Передо мной поплыли разноцветные круги. Быстрый и почти безболезненный способ привыкнуть к темноте. Снаружи, несмотря на работающий фонарь, все же приличная темень.

Я посидел так еще с полминуты, после чего открыл глаза, вскинул «Вал» и выбрался из укрытия.

Тень едва успела шевельнуться, прежде чем «Вал» дважды плюнул в неприятеля пулей массой в шестнадцать грамм со стальным сердечником. У бедняги не было ни малейшего шанса.

– Э, бл... Эта падла Кривого завалила.

Ага, что и требовалось доказать. Зэки. Чудес не бывает. Так, думаем. «Вал» не сказать чтобы бесшумный, но это в абсолютной тишине. Услышать его на таком расстоянии можно, но неопытному и неподготовленному человеку определить в нем оружие – маловероятно. Значит, на крыше Слепого есть еще кто-то. Тот, кто и понял, что Кривого, простите за мой французский, завалили.

Я вытащил коктейль Молотова, поджег и с помощью лианы быстро метнул в сторону брэнного тела умершего зэка. Обычной человеческой рукой бы не добросил. Тут же сел, наслаждаясь звоном стекла и отборным матом. Не убил, конечно, но явно заставил сменить локацию. Так, еще пару бутылок вниз, на улицу. Судя по тому, что после каждой вылазки слуховое окно становилось все более хорошо проветриваемым из-за многочисленных пулевых отверстий, меня уже пасут. Значит, надо менять позицию.

Я пробежал по чердаку, оказавшись возле второго слухового окна. Хорошо, что догадался открыть его заранее – погода в Городе позволяла, – а то сейчас своей возней привлек бы внимание. Осторожно выглянул, и к горлу подкатил комок.

В свете пляшущего огня я увидел, как зэки штурмуют наш квартал. Всей своей объединенной колонией. Штурмуют топорно и без затей, «в лоб». Часть преступников с оружием прикрывает общее наступление, а те, кому, видимо,

повезло со способностями, ломаются в первых рядах. Кто-то встает ногами на сделанные из двух пар рук товарищей замки и пытается выломать заколоченные ставни второго этажа. Держу пари, некоторые сейчас штурмуют и нашу стену. Возможно, с каждой стороны. Оставалось надеяться, что мои ребята и девчата успели среагировать.

Смертельной тенью пронеслась шустрая волосатая муха, оставляя после себя чадающий шлейф темно-зеленого дыма. Тот медленно опускался на улицу, клубясь и обволакивая тех, до кого успел добраться. Раздались крики, ругань, вопли, а потом уже кашель. Сильный, надсадный. Новую способность Крыла трудно было объяснить. Если коротко, то он выделял нечто ядовитое. По моим наблюдениям, походило это на иприт. Иными словами – на боевое отравляющее вещество кожно-нарывного действия. Да, конечно, наш газ, в отличие от оригинала, был слабее. Реальный иприт разлагал поверхность кожи, мясо и сухожилия до кости. Этот же, судя по первому впечатлению, оставлял лишь ожоги. Вон как пляшут, недотепы.

Как говорил один умный китаец, «непобедимость заключена в тебе самом, победа заключена в противнике». Последние всем своим видом демонстрировали, что очень хотят проиграть. Я же упер «Вал» в плечо и стал методично избавлять эков от мучений, которым их подверг Крыл. И сегодня я был настроен более чем решительно.

Глава 2

Как я и предполагал, штурм эков походил на плохо организованное и импульсивное мероприятие. В этом я убедился, выглянув в подъездное окно. Эки напоминали блондинку, которой дали безлимитную карточку и показали, где ЦУМ. С другой стороны, уже двое незваных гостей хозяйничали в нашем дворе. Поэтому не могу сказать, что тактика была проигрышной. Их много, нас мало. Недостаточно уничтожить большую часть нападавших, надо убить всех.

Первый из прорвавшихся сидельцев походил то ли на лягушку, то ли на Джа-Джа Бинкса из «Звездных войн» – глаза навывкате, приплюснутый рот, пятипалые конечности с перепонками между пальцев. Так, минуто, «Звездные войны»? Чего у меня в голове только нет. Лучше бы там была информация, как из говна и

палок сделать атомный реактор. Ладно, будем работать с тем, что есть.

Сегодня был вечер открытий, и не только кинематографических. Потому что в стройную игровую систему, озвученную Крылом – танк, дд и хилл, – добавился еще один незнакомый мне элемент. Его можно было озвучить коряво: персонаж, отвлекающий внимание. Некто чрезвычайно ловкий, быстрый, подвижный, от которого невозможно отвести взгляд.

К примеру, по Лягухе уже работали Слепой и Кора. Иглы и заостренный диск летали по двору, как сухие осенние листья, подхваченные ветром. Однако безрезультатно. Гром-Баба стояла пока в нерешительности, не зная, куда себя применить. А Псих ругался на вооруженных нарушителей, которые лезли через стену с упорством бабочек, летящих на огонь. Двоих наш крикун уже отправил отдыхать. И надо отметить, он единственный, кто сделал правильные выводы.

Как я понял, Лягуха – не особо сильный воин. И его роль заключалась как раз в создании чудовищной суеты, пока остальные выполняют самое важное – пытаются занять позиции.

Я проворно выбрался из подъезда (окно давало небольшой угол для ведения огня), и весьма вовремя. Потому что пока Слепой с Корой отвлеклись на Лягуху, за их спинами на стену уже вскарабкалось несколько эков. Явно не с тем, чтобы спросить, как пройти в Российскую государственную библиотеку.

Один решил далеко не ходить и снимал с ремня «Ксюху», он же «АКС-74У», автомат Калашникова складной укороченный. Даже успел его вскинуть, но после схватился за грудь и рухнул вниз, на улицу. Потому что в дело вступил его величество Шип, самая быстрая рука на всем Диком Западе.

Вжик! Вжик! Вжик! «Вал» утробно урчал, изрыгая крохотных солдатиков смерти. Три выстрела – три трупа. Хоть в любой боевик меня бери главным актером. Эх, был бы я так же красив, как Брэд Питт, и так же харизматичен, как Брюс Уиллис... Помечтать мне не удалось, потому что с четвертым нападающим вышла небольшая заминка.

Этот рослый недотепа с гладко выбритым черепом и хитрым ленинским прищуром решительно не хотел умирать. Я выстрелил по нему еще два раза и только после этого опустил автомат. Бесполезно. Еще один, которому нипочем

огнестрел. Такие персонажи у эков, что, от сырости заводятся?

Заметив меня, Неуязвимый попросту выставил руку ладонью вперед, будто являлась щитом. Сидел он полубоком, свесив вниз одну ногу, и смотрел мне в глаза. Воспользовавшись моей заминкой, зэк прыгнул во двор. Перекатился и тут же вскочил. Гимнаст на босу ногу, мать твою.

Я выстрелил еще раз, хотя уже понимал: толку от этого никакого. И заодно заорал что есть мочи:

- Гром, цель на шесть часов!

- На куда? - спросила растерянная женщина.

- Блядь! Развернись!

Ох уж эти гражданские... Все им приходится разжевывать. А между тем здесь промедление смерти подобно.

Не знаю, какая способность была у этого хмыря, но она мне очень не понравилась. Что-то вроде создания защитных или силовых полей? Вполне вероятно. Выстрел, еще один! Не то чтобы я тупой и пытаюсь одними и теми же действиями добиться иного результата, но Гром-Бабе нужно время, чтобы сориентироваться. Ну вот, так-то лучше.

Поезд со маршрутом следования «Двор Шипастого - Жопа мира» ускорился так, будто боялся не уложиться в график. Неуязвимый выставил обе руки. Оно и правильно, Громуша у нас женщина большая, одной может не хватить. И теперь я воочию наблюдал, как работает способность зэка. Между ним и Гром-Бабой образовалось нечто вроде тонкой пелены, и это уберегло Неуязвимого от прямого удара. Вот только он не учел силу кинетической энергии. Одно дело - создать щит большой площади, который может погасить выпущенную пулю. И совершенно другое - сотворить поле, которое справится с разогнавшимся центнером мяса и костей.

Неуязвимого, все еще вытягивающего перед собой руки, снесло с места к чертовой матери. А если быть точнее, обратно к забору. От удара стена

дрогнула, а зэк безжизненно осел на землю. И тут же получил в репу. Вернее, секунду назад это была еще голова, а после удара разъяренной Гром-Бабы черепная коробка разлетелась на части. М-да, против лома нет приема.

– Слепой, плюнь на него! – подсказал я старику, «сняв» выскочившего из соседнего подъезда крокодила. Ну, или кого-то, на него похожего. Извини, Гена, Чебурашка в другом квартале.

А вот это уже плохо. Полезли через окна второго этажа, значит, придется устраивать круговую оборону. Только сейчас я поблагодарил Голос за то, что со стороны одного из домов у нас парк. Хотя бы этим обезопасим себя от зэков.

Блин, если выживем, забью наглухо вообще все окна, сделав крохотные бойницы, или еще лучше, прикажу Коре их заварить. Хрен с ним, с видом на самую красивую улицу в Городе и отсутствие света, зато безопасно будет.

Я быстрым шагом приблизился к своей группе, не сводя с прицела первый дом. И снял еще парочку уродов, пробравшихся через окна. Что называется, опыт не пропьешь. Я пытался.

– Дядя Шип! – Крыл на мгновение приземлился рядом. – Большая группа идет к забору со стороны квартала Психа!

Сказал и тут же улетел обратно. Тяжело улетел. Не надо было быть наблюдательным, чтобы заметить простой факт: пацан еле держался на крыльях, если можно так выразиться. Его отравляющий газ забирал почти все силы. Думаю, даже Пикирование он сейчас применить не сможет. Впрочем, оно и не нужно. Самое главное, что у нас есть глаза сверху. А это дорогого стоит. К тому же Крыл не ранен. Тоже огромный плюс.

– Забор Психа, – для верности я указал рукой. – Слепой, прикрывай забор Психа.

Сам же сменил магазин и уже выращивал густые кусты под забором с нашей стороны. Но не простую ловушку, а, что называется, золотую. Применил свою новую способность. В голове будто сами собой всплыли забавные факты. К примеру, ящерицы обладают неплохой регенерацией, не зря же им хвосты все в детстве отрывали, почему бы не подарить моим растениям их ген? А еще вспомнил про одну глубоководную рыбу, Черный живоглот, кажется. Так вот, у

нее был такой эластичный живот, что она могла проглотить добычу, которая превышала ее в размерах. Не забыл я и про венерину мухоловку.

В итоге тем, что выросло под забором, впору было пугать самого Чебурашку. Кусты с большими зубастыми ртами, огромными желудками и способные регенерировать. Я даже хотел выложить из них табличку «Welcome», однако решил, что уж слишком палевно. Поймут, что издеваюсь.

И вместе с тем меня что-то смущало.

Я оглядел двор, уже усеянный трупами, и понял, что не вижу Алисы.

Но мысли о моей пассивности отошли на второй план, когда показалось нечто вроде человека-осьминога. Помимо рук и ног, из его спины торчало множество щупалец, которыми тот взбирался по забору. Пришлось всадить в него аж четыре пули, прежде чем бедолага успокоился и неторопливо сполз с нашего ограждения.

Крыл оказался прав. Почти все зэки ломанулись через сторону Психа. Не скажу, что они доставили нам какие-то особые хлопоты, все же огнестрельное оружие в руках опытного бойца – это залог успеха. К тому же сам Псих успел отправить в больницу с разорванными барабанными перепонками человека три-четыре.

Те, кто все же преодолевал забор, оказывались в цепких ложноножках моих ловушек. За все время лишь двое зэков смогли достигнуть относительно безопасной части двора. Относительно – потому что тут же познакомились с пудовыми кулаками Гром-Бабы.

Слепой лениво отстреливался иглами, скорее пугая атакующих со своей стороны, чем нанося действительно серьезный ущерб. Явно выложился на Лягухе, который, кстати, пропал. Убрался восвояси, поняв, что на него не обращают больше внимания?

Только я решил, что наша оборона идет организованно и в соответствии с тактическим расписанием, как забор тупо расплылся, будто кусок льда под напором яркого пламени.

Я на мгновение встретился глазами с забитым с ног до головы татуировками приземистым коротко стриженным человеком лет пятидесяти. Но он тут же спрятался, давая возможность своим ребятам начать атаку. Люди Феде Натюрморта – а пробил брешь в нашем заборе именно он – толпой ломанулись внутрь.

Первым прорвался похожий на огненный факел человек. Нет, он натурально с головы до ног был объят пламенем. Про себя я назвал его Зажигалка.

Тот сразу же критически отнесся к моей выставке достижений народного хозяйства. От Зажигалки пошла стена огня, захлестнув мои растения, но, на наше счастье, поражающий радиус способности был невелик. А вот ловушки накрылись медным тазом. Жалко.

Но размышлять о сущности бытия времени не было. Сквозь внушительную дыру в заборе уже лезли всякие сомнительные личности. Даже гора трупов, слава моему «Валу», их не останавливала. Натюрморт не жалел никого, решив сегодня во что бы то ни стало захватить квартал. Балбес, знал бы ты, что из всего серьезного оружия здесь только «Вал». Разве что со жратвой чуть получше. Однако Федя сегодня уже справился с задачей минимум – закрыл много голодных ртов.

– Слепой, помогай! Кора, ты тоже, не спите! – я тем временем кинул автомат в инвентарь.

С автоматом шло только два магазина. И оба я их полностью расстрелял. Что я там говорил? Столкновения в городе носят непродолжительный характер? Ага, если на тебя не прет целая колония эков.

Я напрягся и стал выращивать возле нас красивое дерево под названием скорпионий хвост. Его сделал скорее для перестраховки. Кора с двух рук, по-македонски, орудовала острыми дисками. Слепой бросал свои гранаты. Кстати, оказалось, что ты можешь гореть невероятно ярко, однако, когда в тебя прилетает пара десятков шипов, ты довольно быстро затухаешь. Прощай, Зажигалка!..

А Гром-Баба, которая уперлась рогом у самого прохода, включила Возмездие. Забавно было видеть, как всякие чудаковатые создания отлетают от нее,

пытаюсь причинить вред танку. При этом Гром-Баба не форсировала события. Она четко понимала, что позади нее есть те, кто способен выкосить эков. Так думал и я.

А потом появился он.

Точнее, сначала над двором повис испуганный вопль Громуши. Закричала она по-бабьи, не выдав ни единого членораздельного слова, но в ее голосе слышалось нечто вроде: «Ой, честные люди, посмотрите, что делается!» И страх, который я ощутил в ее нотках, был явно не за свою жизнь. А за одну из наших.

Быстрая, почти незаметная тень проскользнула по двору. Скорпионий хвост запоздало отреагировал на вторжение незнакомца, ударив по земле там, где уже никого не было. А я, прежде чем увидел лицо своего обидчика, почувствовал жар в животе.

Лицо Сивого, полное злобы, то и дело теряя четкость, появилось передо мной. А его рука с чем-то острым – ножом, наверное – продолжала наносить удары. Не знаю, целенаправленно ли он выбрал меня в качестве того, кто сегодня должен был умереть. Вопрос философский. С другой стороны, а кого еще? Кора перешла в режим имитации, к Слепому хрен подберешься, а Псих стоит дальше всех. Может, в этом был даже элемент случайности. Забавно, я умру из-за случайности.

Внезапно нож Сивого уперся в мой живот, точно тот состоял из чего-то твердого. Зэк несколько раз безуспешно попробовал повторить трюк с быстрым потрошением Шипастого, но, поняв, что нельзя два раза войти в одну и ту же воду, отступил. Не решил перегруппироваться с остальными зэками, а бросился обратно, к расплавленной дыре в заборе.

И весьма вовремя, потому что в нашу сторону надвигалась буря в лице Гром-Бабы. Так вот, значит, что произошло. Она применила способность Телохранитель. Жаль, что случилось это не на пару секунд раньше.

Я сжимал двумя руками живот. Покровные ткани, кстати, помогли, нож повредил не все внутренние органы, а всего лишь печень, если опыт меня не обманывал. «Всего лишь...» Короче, отбегался Шипастый. Это поняли все, включая пацана. Тот приземлился, сложив крылья и выйдя из боевой трансформации.

- Дядя Шип, ты чего? Мы тебя подлечим. Чего вы стоите? Несите бинты. Дядя Шип, ну как же так? - он еле сдерживал слезы.

- Да вот так, пацан. Дерьмо случается.

- Ты не умрешь, ты не можешь умереть, - все-таки крупная бусина сорвалась и потекла по щеке. - Как ты нас бросишь?

- Крылатый, - стараясь проявить жесткость в голосе, произнес я. - Не забывай, что пока еще ты говоришь со своим командиром. И со смертью одного человека боевые действия не заканчиваются. Подняться в воздух и следить за движениями противника.

- Дядя Шип...

- Выполнять!

- Есть! - чуть ли не заорал Крыл, то ли от досады, то ли от внутренней боли.

В обычной жизни мухи не плачут. Сегодня я видел исключение из правил.

- Кора, Псих, проверьте периметр, - сказал я. - Посмотрите, может, кто живой остался и его удастся допросить. Только аккуратнее.

Эти хотя бы ничего говорить не стали.

- Мы никуда не уйдем, Шипаштый, - тихо, почти шепотом, сказал Слепой.

- Жаль, что так все произошло, Шипик, - утерла нос Гром-Баба.

Ну вот, развели тут болото. Жизнь такая мерзкая штука, что из нее еще никому не удавалось выйти живым.

- Слепой, слушай, теперь ты за главного, - сказал я, чувствуя, как становится сухо во рту. Зараза, слишком быстро теряю кровь. - Мы хорошо потрепали эков, но они вернутся. Ваш единственный шанс выжить - идти к Молчунам. У вас есть

что им предложить. Я про жратву. Если надо будет, отдадите «Вал» и ПМ. Конечно, не знаю, как вас встретят, но вы все с сильными способностями. Будем надеяться на лучшее.

Я утер выступивший пот. Зря, только лицо кровью перемазал. Голова кружилась, тело стало ватным. Блин, вот уж не думал, что умру от ножевого ранения. После стольких-то огнестрельных. Хотя более правильно сказать, от ножевых.

– Слепой, у меня к тебе единственная просьба...

Можно, конечно, подвести как-нибудь поделикатнее, однако время – именно то, чего у меня сейчас не было. Счет шел буквально на секунды.

– Вше, что угодно, – прошамкал старик.

– Похороните меня нормально. Выройте могилу и закопайте. Чтобы никакая мерзость до меня не добралась. Да хотя бы возле лесопосадки.

– Хорошо, Шип.

– Спасибо. И... Вы молодцы, – улыбнулся я напоследок. – Держитесь друг друга.

Я закрыл глаза. Сил бороться почти не осталось. Веки стали свинцовыми, боль сковала все мышцы поверженного тела. Сон наступал неотвратимо, обещая принести с собой облегчение. Против лома нет приема, если нет другого лома.

Сквозь спокойную, мирную дрему я услышал сначала нечто вроде испуганного вскрика. А потом раздался и голос Гром-Бабы:

– Алиса! Ты... что это? Что ты собралась делать?

А потом меня потрянуло. Как космонавта, под задницей которого взлетает многотонная ракета. Боль в поврежденной печени мерзкой отравой растеклась по всему телу. Густая мгла недовольно отодвинулась, на короткий миг выпуская свою жертву. И я открыл глаза.

Мир стал тусклее, бледнее. Будто некто забрал из него самые яркие краски. И если это и было так, я знал точно, кому они достались. Их вобрала в себя девушка, которая склонилась надо мной со взглядом голодной волчицы.

Это была не Алиса. Точнее, когда-то – может быть. Но теперь надо мной склонилось мерзкое существо с красными от лопнувших капилляров глазами, вздувшимися до невероятных размеров венами, тонкой пергаментно-белой кожей. Она подняла бледную худую руку, и я увидел длинные заостренные когти там, где раньше были пальцы. Силился сказать ей что-то, но сил больше не осталось. В конечном счете какая разница, что меня убьет – кровотечение или это нечто?

Я закрыл глаза, чувствуя острую боль в животе. Хотя, в животе ли? Казалось, что его больше не было. Он пропал. Как исчезли руки, ноги, голова. И умер я сам.

Глава 3

В начале было слово. И слово было произнесено женским голосом, и вроде как удовлетворенным тоном:

– Живой.

– Не дождетесь, – проворчал я, пытаюсь открыть глаза.

Вот именно, что пытаюсь. Потому что к каждому веку будто привязали по тяжелой гантеле. Я, конечно, не против железа, помнится, сто двадцать в жиме от груди на три раза делал, но сейчас у меня возникло нечто вроде аллергии на тяжелую атлетику.

Глаза все же открылись, даже не пришлось никого звать, чтобы подняли мне веки. Я мутным взглядом осмотрел знакомый интерьер. Мой продавленный диванчик, пустая бутылка на столе (да, забыл убрать), чайник, Алиса...

– Твою мать!

- Она-то тут при чем? - искренне удивилась девушка.

- Ты... ты... - я не находил слов, вытянув в сторону красотки - теперь действительно красотки - ватную руку.

Заглянул в инвентарь: ни автомата, ни пистолета. Вообще пусто, даже ножи пропали. Приплыли. Не знаю, как она это сделала, но я живым не дамся.

Хотя оказалось, что одно дело подумать, и совершенно другое - воплотить в жизнь. Сил не было даже на то, чтобы подняться на ноги.

- Спасла тебе жизнь, - спокойно ответила Алиса, держа смоченную вату.

Компресс? Надо же. Что-то тут не так. Она, что, получается, не хочет меня убить?

- Так, погоди. Как? Когда? Я же видел...

- Мою боевую трансформацию, - не без гордости сказала девушка.

Все чудесатее и чудесатее...

- Давай с самого начала. Где ты была?

- Пряталась, - пожала плечами Алиса. - А чем я могла помочь? Оружия ты мне не оставил, хотя мог. Пистолет хотя бы. Пришлось отсиживаться в подъезде, подглядывать из окна. А когда тебя ранили... В общем, не знаю, что со мной произошло. Помнишь, ты говорил, что для перехода в боевой режим мне не хватало концентрации? Скорее, здесь другое. Мне нужна была правильная мотивация. - Алиса помолчала, вытерев тыльной стороной занятой руки лоб. - Ну, вот ты ее и подал. Когда тебя ранили, я выскочила наружу, и все произошло само собой.

- И что ты сделала?

Я поднялся на локтях и тут же пожалел об этом. Закружилась голова, а во рту появился вкус стали. Как же мне хреново!

– Базовая способность. Заживление ран. Я вроде как могу управлять кровью. И своей, и чужой.

– Вот оно в чем дело, – теперь все действительно стало медленно и неохотно вставать на свои места.

Это кровожадное чудовище, которое я принял за вампиршу, – всего-навсего боевая трансформация Алисы. Ага, всего-навсего рядовое явление для Города. Ладно, раз уж она здесь, а я живой, значит, все действительно так. Однако...

– Вообще ты, как честный мужик, обязан теперь на мне жениться.

– Девушка, а вы картой принимаете? – скривился я.

«Женитьба» – слово-то какое чухонское, нерусское. Вот, видимо, именно поэтому я, как истинный патриот, ему и противлюсь.

– Ты будешь смеяться, Шип, – серьезно сказала Алиса, глядя мне в глаза, – но я, похоже, люблю тебя.

Я даже поежился. Вот знал, что эти потрапушки ни к чему хорошему не приведут. Что теперь? Ипотека под пятнадцать процентов годовых в спальном районе Города? Упреки в пьянстве и безденежье? Полное разочарование в партнере через три года жизни и долгий и мучительный развод? Знаем, прохо... Так, я же уже был женат! Спасибо, Алиса, хоть еще что-то вспомнил.

– Можно всех посмотреть? – я откинулся на диван и прикрыл глаза. Состояние было, мягко говоря, так себе.

К тому же как еще отвечать на признание в любви, когда не испытываешь того же? «Спасибо, очень приятно»? Да и не был я уверен, что Алиса действительно меня любит. Это могла быть привязанность, благодарность, желание находиться поближе к мужскому плечу. Может, она, в конце концов, во мне своего отца увидела. В мире полно всяких извращений.

– Козел ты, Шип, – тихо произнесла Алиса. Но сказала спокойно, без тени истерики в голосе. – Значит, в себя приходишь и скоро поправишься. Главное, не

двигайся. Так и быть, от секса я тебя на сегодня освобождаю.

Три раза «ха». Я бы при всем желании не смог.

Красотка собралась уже было уйти, когда я ее окликнул:

- Алиса, постой...

- Ничего себе, Шип хочет извиниться? - она удивленно изогнула бровь.

- Нет, конечно, что за глупости. Расскажи о своих способностях.

- Ты в своем репертуаре, - она закатила глаза. Но не ушла. - Про Заживление ран ты вроде как уже понял. Вторая способность называется Пожиратель. Это как раз обратная штучка. Я бы тебе показала, но в твоем спирте и так осталось слишком малое количество крови. В общем, мне достаточно коснуться кого-нибудь - и все. Если сильно захочу, противник истечет кровью.

- Ты... ты проверяла?

- Да, один тут вызвался в обмен на пайку. Все капилляры в носу ему разворотила. Извинилась потом, понятное дело. Можешь попробовать на досуге, это не так трудно, как кажется.

- Старую собаку новым фокусам не научишь, - отмахнулся я. - Это два. Если я все правильно считал, мы тебя прокачали до четвертого уровня.

- Верно, - согласилась Алиса. - Третья способность - Кровавый слуга. Если человек ранен, то я могу на короткое время его подчинить.

- В смысле...

- В смысле, подчинить, - ухмыльнулась Алиса. - И он будет делать все как я хочу. Тоже проверила на одном придурке. Потом и тебе покажу, когда ты будешь в более транспортабельном состоянии. Может, точку G найдешь. Ну, и последнее...

Вместо слов девушка подошла к моему столу, взяла нож и порезала себе палец. Я вздрогнул, потому что в этот самый момент Алиса резко изменилась: кожа побелела, вены набухли, глаза покраснели. То ли ведьма, то ли вампир. Жуть. Только перепончатых крыльев за спиной не хватает.

Она капнула себе под ноги, и на полу стала образовываться странная вязь узоров, нечто среднее между пентаграммой и какими-то рунами. Кровь продолжала капать, и при каждом ее падении рисунок вспыхивал с новой силой.

– Кровавый круг... – медленно проговорила вампирша. – Все, кто в нем стоит, полностью невосприимчивы к физическому урону. Но каждая атака, нанесенная кругу, отражается на мне. Палка о двух концах.

Она облизнула палец и вернула себе прежний облик. Передо мной вновь стояла улыбчивая соблазнительная Алиса. А я задумался. Интересно, какое количество урона этот круг может выдержать? Справится с парой автоматных очередей?

– Ладно, лежи, отдыхай, сейчас скажу остальным, что с тобой все в порядке. Только прошу тебя, Шип, – серьезно добавила девушка, – не двигайся, пей водичку, она у тебя под рукой, позже бульон на тушенке принесу. Старайся меньше шевелиться, у тебя была очень большая кровопотеря. Понадобится несколько дней, чтобы восстановиться. И то с моей помощью.

И как с ней спорить? Никак. Да, если честно, бегать и отдавать распоряжения я хотел меньше всего. Большая кровопотеря? Это вроде тридцать-сорок процентов от общего объема. И раз уж Алиса теперь с кровью на короткой ноге, что-то мне подсказывает, что она знает, о чем говорит.

А воду и вправду пить надо. Чем больше, тем лучше. И жрать. В Городе больничный не выписывают. И если ты решил поваляться пластом – тебе же хуже. Жалко, что Алиса не могла устроить переливание. Это бы здорово упростило ситуацию.

– Шип, – на пороге появился Слепой. – Ну и перепугал же ты наш.

– Слава тебе господи, – перекрестилась Гром-Баба, протолкнув внутрь любовника. Это ее старик, что ли, заразил богобоязненностью?

– Зови меня просто Шип. И славить меня не надо. А где остальные? – спросил я.

Не то чтобы я был президентом Туркменистана и требовал постоянного челобития. Просто действительно интересно.

– Крыл улетел шледить за перемещениями ээков, – ответил Слепой. Улыбка исчезла с его лица, а вид стал деловым. – Пших на карауле, Кора ш пленниками.

– С пленниками? – заинтересовался я.

– Мы взяли четверых раненых, – стал рассказывать старик. – Допрошили. Трое – люди Феде Натюрморта, а пошледний – человек Шивого.

– Так-так-так, – кивал я, пытаюсь запустить свой мозг на полную.

Все-таки ранение сказалось и на мыслительном процессе. Но я старался как никогда. Пленники – это невероятно ценный ресурс. С помощью него можно управлять настроением и боевым духом в лагере ээков. Держу пари, каждый из рядовых урок станет пристально следить за этой ситуацией и за тем, как она будет разрешаться. Ведь если главари решат бросить пленных, это станет серьезным звоночком. Значит, так могут поступить и с ними.

– Теперь хотя бы стало ясно, на ком Алиса проводила свои кровавые эксперименты, – я почесал невытую голову. – Кстати, у меня два вопроса. Почему мой инвентарь пустой?

– Ну, ты как шознание потерял, когда еще Алиша над тобой шклонилашь, вше и выпало, – признался старик. – Автомат твой в шкафу, пиштолет там же. Как и мелочевка вшыкаяя тоже. Прошто не знали, как вернуть.

Ага, выходит, я действительно был на грани жизни и смерти, раз уж Голос решил, что больше мне инвентарь не нужен. Забавно.

– Мы тут еще кое-что нашли, – Слепой стал сгружаться.

В короткий миг на столике перед диваном оказались АКС-74У и тот самый черный АК-74. Оба под малоимпульсный патрон 5,45x39 мм, два «Стечкина»,

один ПМ, ТТ и даже «Гюрза». Неплохо, конечно, хотя, на мой взгляд, нам бы побольше винтовок и автоматов.

- Еще один шемьдешят четвертый у караульного, - сказал Слепой, поднимая автомат «Ксюху». - А этот заклинило. Думал шначала, что патрон, но ни фига.

- Посмотрим попозже, - отмахнулся я. - Это же семьдесят четвертый, там что угодно может быть. Если неполадки в ударно-спусковом механизме, то хана. Запчастей под замену у нас нет.

Вот и все. Хотя и без этого улов славный. Так сказать, на ровном месте подняли оружие. Поди плохо...

- Патронов много? - спросил я.

- Пять рожков к автоматам, рашшыпуха для пиштолетов, - ответил старик.

- Слезы, - констатировал я.

- Вот еще, набрали тут ш убитых, - Слепой протянул мне несколько кристаллов. - Поделили поровну.

Шипастый. Лидер группы

6 уровень

203/750 опыта

Замечательно. Пока я отдыхал, и дивиденды подъехали. Так, получается, что у нас на постоянке теперь три автомата - непонятно еще, что там с последним, который заклинило. Не факт, что его удастся починить. Итого - один у караульного, у меня «Вал», «Ксюху» отдам Алисе. Да вдобавок каждому по пистолету, кроме, разве что, Гром-Бабы. Не потому, что я ее не люблю, просто у Громуши показатели в стрелковых дисциплинах хуже всего. А вот тому же

Крылу ПМ за пазухой – милое дело. Да, блин, я бы для него и «Вал» не пожалел, чтобы тот стал нашей летающей «черной смертью». Кто же виноват, что у пацана обе руки левые?

– Это все хорошо, однако я не задал тот самый второй вопрос. Как долго я был в отключке?

– Так... – Слепой с Гром-Бабой переглянулись. – Чашов вошемь, может.

Видимо, удивление в моих глазах стало красноречивее любых слов. Нет, я понял, что Алиса немного поработала со мной, но не прошло и суток после большой кровопотери, а я вполне себе в сознании, разговариваю. Может, если сильно напрягусь, и встать смогу. Не просто ведьма крови, а ведьмища!

– Что с зэками?

– Отошли на приличное рашштояние, – ответил Слепой. – Тринадцать кварталов. Они знают, что мы шледим за ними ш помощью Крыла. Но пока вше равно не отходят.

– Размышляют, что делать. Будь я на их месте, то напал бы снова ночью. Зэки в курсе, что командир серьезно ранен или погиб. Это всегда придает уверенности. Значит, надо их опередить.

– Напашть? – удивился Слепой. – Ты же слабый еще.

– Зачем нападать, если можно устроить переговоры? – усмехнулся я. – У нас есть рычаг воздействия – пленники. К тому же зэки значительно ослабли после ночной атаки. У нас же все живые, разве что забор немного помяли.

– Корочка уже все восстановила, – вмешалась Гром-Баба. – Заварила в лучшем виде.

– Замечательно, – подытожил я. – Слепой, а знаешь что, приведи-ка ко мне одного из людей Натюрморта.

Старик кивнул и исчез на лестнице. Вместе с ним ушла и Гром-Баба. Правильно, убедились, что с командиром полный порядок – если мое текущее состояние можно было назвать порядком, – и пошли заниматься делами.

Я тоже даром времени не терял. Все же поднялся на ноги, с полминуты переживая, когда закончится головокружение, а после медленно добрал до шкафа. Слепой не обманул (хотя когда он обманывал?) и «Вал», и пистолет, и ножи, и аптечка, да и прочая мелочь, были здесь. Я захватил лишь «Зверя» и ПМ. Автомат, каким бы легким ни казался, все равно неприятно давил. А в моем теперешнем состоянии каждый дополнительный килограмм работал в минус. Но и совсем без оружия было тоскливо.

Я добрался до дивана, снял «Вал» с предохранителя, передернул затвор и убрал в инвентарь. Конечно, будем надеяться, что и Слепой не станет ворон считать, но все-таки на то, чтобы достать оружие из загашника, нужно время.

Сделал всего несколько шагов до шкафа и обратно, а ощущение, будто на Эверест забрался. Появилась испарина, сердце учащенно забилося, гоня оставшуюся кровь. Да уж, вот попадись мне в руки Сивый, я ему такое устрою. К тому же у меня появился план, как этого можно добиться.

Человек Феди Натюрморта походил на эка так же, как я – на приму-балерину Большого театра. Худой, нескладный, маленький. Лицо осунувшееся, руки чистые, без татуировок, сам немного сутуловатый. Типичный забитый ботан, белый воротничок, если бы не одно «но».

Оно заключалось в глазах. Его взгляд был жесткий, хваткий. Взгляд пойманного волка, все еще остававшегося хищником. Того самого, которого сколько ни корми, а он все в неправильную сторону смотрит. И при первом удобном случае продемонстрирует свою звериную натуру. Я даже уже примерно понял, как себя с ним вести. Не слишком мягко – слабости этот сиделец не потерпит, будет говорить лишь с равным, – но жестить не нужно.

Он стоял чуть согнувшись, руки позади перетянуты стяжками, да еще и Слепой вытащил из инвентаря ТТ. В своей безопасности я не сомневался. Можно начинать.

– Приветствую, – сказал я.

– Доброго дня, – хмыкнул сиделец, а у самого глаза забегали по квартире. Наконец он остановил взгляд на мне.

Вообще с виду так и не скажешь, что я еще вчера был практически покойник. Одежду мне Алиса поменяла (представляю, каких усилий это стоило), ран тоже никаких не видно. Разве что я бледный как смерть. Но сижу же, веду светскую беседу.

– Слепой, предложи нашему гостю стул, а то негоже стоя разговаривать.

– Ничего, не сахарный, не растаю, – цыкнул он слюной. – Хороши хозяева, которые гостей в подвале держат.

– Так и вы к нам не на чай с плюшками пришли, – пожал плечами я. – Многие из моих людей довольно категорично настроены на ваш счет.

– Ты меня не разводи, как фраера последнего. Если кончать решили, то так и скажи.

– Да нет, я вот решил вас отпустить, – усмехнулся я. – Всех сразу.

Взгляд зэка стал пристальным, более оценивающим, точно он внутри себя прокручивал, правда ли я могу так сделать.

– Вот щас только ты предъяву выкатишь, правильно я понимаю? – хмыкнул он.

– Вовсе нет. Все зависит от Натюрморта. Решит он, что ваши жизни чего-то стоят, или нет.

Тут зэк откровенно приуныл, что я воспринял вполне позитивно. Значит, Федя примерно такой, каким я его и представлял. Себе на уме.

– Что, сомневаешься?

– Федя гордый, – сказал мой собеседник, – если поймет, что ты ему яйца выкручиваешь, то на хер пошлет.

– А как с ним надо разговаривать? – добродушно спросил я.

Зэк замолчал.

Пришлось добавить:

– Пойми, от этого зависит твоя жизнь. Все время держать вас в подвале без какой-либо пользы для себя мне смысла нет. Жратву только переводить. Так что?

– С Федей главное без наездов, – стал рассказывать пленник. – Говорить спокойно. Он мужик умный – судя по наколкам, лет двадцать на зоне отмотал. И свою выгоду не упустит, если у вас будет что ему предложить.

– А какие отношения у Феде с Сивым и Святым? – спросил я и сразу же добавил: – Они в позу не встанут? Может, вес какой имеют?

– Да какой вес... Сивый – это шушара. Вот Святого люди слушают, он авторитетный. Хотя, как по мне, головой двинулся. Говорит, этот Город нам за грехи наши. Языком умеет болтать, только кажется мне, рисуется больше. На деле грешник, поболее каждого из нас.

– А что ты скажешь...

Постепенно, слово за слово, но разговор у нас стал складываться. Я понимал сидельца и не осуждал его. Перед ним забрезжила надежда на освобождение. К тому же, по большому счету, он никого не сдавал, а лишь рассказывал о взаимоотношениях в коллективе, общем настроении, даже не подозревая, какой ценной является эта информация.

Мы проговорили с полчаса, после чего пленника увели, а я попросил Слепого найти Алису и передать ей, чтобы она поднялась ко мне. Что красотка вскоре и сделала.

– Смотри и слушай, – сказал я ей, – говорю один раз, повторять не буду. Извини, если ненароком обидел. И спасибо, что спасла меня.

– Шип, я сейчас расплачусь. А ведь у меня сегодня даже не день рождения. С чего такие подарки? – рассмеялась Алиса. – Тебе что-то нужно?

– Нужно. Я хочу к завтрашнему дню твердо стоять на ногах. От этого зависит очень многое.

– Еще скажи, что это необходимо для партии и всеобщего блага, – зевнула красотка. – Я и после «спасибо» была согласна. Не гарантирую стопроцентный результат, я к тому же и так немного подсдулась после твоего восстановления. Но сделаю что смогу.

Я облегченно кивнул. Давно пришла пора закончить всю эту бадягу с зэками. И после разговора с пленником мне даже стало ясно, как именно это повернуть.

Глава 4

Сильнее всего обрадовался моему «воскрешению» Крыл. Кстати, его спасение на крыше объяснилось банально и незатейливо: зэк, который должен был снять дозорного, промахнулся. Лошары, что и говорить. Если уж завалить операцию на таком этапе, то чего они хотели от самого штурма?

Пацан бросился обниматься, только потом вспомнив, что я вообще-то хреново себя чувствую и все такое. Я же охладил пыл Крыла, рассказав, что именно он должен сделать.

– Зачем нам с ними переговариваться, дядя Шип? – искренне недоумевал он. – Видал, как мы их разнесли ночью? Просто возьмем, зажмем их, и...

– Зажимают в углах девок, – перебил я его. – Одно дело – обороняться при неподготовленном нападении, и совсем другое – переходить в контратаку, когда противник насторожен и ожидает этого. И на самотек все пускать нельзя. Зэки отошли недалеко только с одной целью – вскоре они предпримут новое наступление. Думаю, ближе к ночи.

– Ну и пусть наступают. Фиганем по ним.

– Или они выкинут что-то новое, и ты себе что-нибудь отфигачишь. Нет уж, спасибо. Очень мне не понравился этот Федя, который стену у нас, словно кусок картона, вырезал. Знать бы еще, что это за способность такая.

– Так а толку нам с этих переговоров... Ты собираешься им пленников отдать, а они что?

– А они поделятся тем, что им не нужно. Точнее, кто. Думаю, в итоге Федя согласится. Просто завернешь камень в бумагу и скинешь сверху. Смотри только никому голову не разбей, а то эти переговоры зайдут в тупик, еще не начавшись.

– Голову не разбить? – задумавшись, переспросил пацан.

– Крыл, твою мать, я серьезно.

– Да ладно, пошутить уже нельзя. Все я понял. Только ты бумагу давай.

Я отдал ему заранее написанное послание, которое Крыл сразу стал читать. Хоть бы постеснялся, что ли, или за дверь вышел. Никакой конфиденциальности.

– «Феде Натюрморту. Предлагаю заключить перемирие. В случае успешных переговоров отпущу на свободу пленных. В качестве гарантии безопасности переговоры будут происходить завтра, в полдень, на перекрестке среди руин, в трех кварталах от моего на север по проулку (от вас на юг), тому самому, через который вы атаковали. С собой не больше пяти человек. Подпись: Шипастый, командир группы, живущей у парка».

– Тебе бы стилистику поправить, – нагло заявил Крыл.

– Чья бы корова мычала, «людаед». Давай, дуй к временному лагерю ээков. Аккуратнее только. И самое главное, Крыл, кинь именно во двор. Чтобы все прочитали.

– Я думал, что, наоборот, надо непосредственно Феде передать.

– Нет, – улыбнулся я, – мы должны сделать так, чтобы у него не было выбора. Чтобы он сообщение о переговорах не замял. И еще, Крыл, обрати внимание, где поселился Святой. Это тоже понадобится.

Говорят, человек сам строит свою судьбу и жизнь – результат самостоятельного принятия тех или иных решений. Вроде как индивидуум не зависит от внешних факторов, главное лишь – его внутренняя воля. Красиво, конечно, вот только это хрень полная. Как и абсолютная свобода и независимость.

Все мы всю свою жизнь от чего-то зависим, чему-то подчиняемся – законам, морали, этике, обществу. Про бабки я уж вообще молчу. Так вот и этот Федя Натюрморт себе не принадлежал. Понятное дело, у него была определенная политическая воля, однако существовали конкуренты в виде Сивого и Святого. Опять же, братва, которая с точностью опытного бухгалтера отмечает все удачные и неудачные решения. И если количество минусов перевесит плюсы, может и предъявить. А когда против тебя весь мир – не помогут ни ствол, ни способности.

Своими соображениями я поделился лишь со Слепым, как с самым опытным из группы. К тому же оказалось, что старик вполне успешно заменил меня. Даже какая-то легкая ревность возникла, что ли.

– Цугцванг, – коротко резюмировал Слепой.

– Чего? – переспросил я.

– Положение в шахматах, в котором любой ход игрока ведет к ухудшению его позиции. Иными словами, куда ни кинь – везде клин.

– А, ну это да, – согласился я. – Я про эти шахматы знал, просто забыл.

– Немудрено, – легко согласился Слепой, – всего не упомнишь. Так ты думаешь, што этот Натюрморт шоглашитшя?

– Должен, как по мне.

– Ну, дай бог.

На этом наш содержательный разговор был закончен. Скоро прилетел довольный Крыл с докладом об успешном выполнении задания. Пожаловался, что негостеприимные зэки даже стреляли по нему, но куда этим снайперам до быстрого Крыла. В конечном итоге все прошло более чем успешно – судя по тому, что к камню, которым было обернуто послание, рвануло сразу с десятков человек. Теперь осталось дело за малым. За этим малым как раз и пришла Алиса.

– Какой наш план действий? – спросил я.

– Лежать тихо как мышка и не раздражать меня глупыми вопросами, – категорично заявила красотка.

Алиса вытащила здоровенную книгу по медицине, которую явно нашла в одной из квартир, и стала листать.

– Короче, смотри. В красном костном мозге есть стволовые гемопоэтические клетки.

– У всех или только у гомосексуалистов-поэтов? – протянул я.

– Щас книгой двину, – честно пообещала Алиса. – Вот их и использует организм, чтобы сделать новую кровь. В ходе процесса стволовые клетки преобразуют в зрелые клетки крови: эритроциты, лейкоциты, тромбоциты.

– Ну, это ясно. Давай тогда за дело.

– погоди ты, тут еще про две основные линии кроветворения: лимфоидную и миелоидную. Тебе я вообще больше слова не скажу, только сбиваешь.

Вот, а всего пару часов назад в любви признавалась, теперь же раздражительная, как не знаю кто. Правильно говорят: от любви до кроветворения – один шаг.

Наконец Алиса закончила с чтением сказок на ночь, отодвинула медицинский фолиант и перешла в боевую трансформацию. Интересно, я когда-нибудь привыкну к этому облику? Как бы потом во время секса другую Алису не представлять, а то импотенция до конца жизни гарантирована.

Девушка схватила меня за руки своими бледными тонкими пальцами с длинными заостренными ногтями, как у долго лежавшего в земле покойника, и... ничего не произошло. Точнее, нечто явно происходило, судя по лицу Алисы. Вены так вздулись, что готовы были разорвать кожу. Сама девушка громко застонала. Только это не было похоже на привычное возбуждение, которое я, не без ложной скромности, частенько слышал. Скорее, на стенания умирающего больного.

Процедура продлилась минут пять, после чего Алиса «вывалилась» обратно и, обессиленная, села на пол.

- Что, все? - спросил я. - Вроде ничего не изменилось.

- погоди, это только первый заход. Мне нужно восстановиться. Слишком энергозатратно. И тяжело. Я же не использую способности. Скорее, импровизирую.

Ну да, ну да. Зато у меня в голове возникла одна любопытная догадка. Получается, способности - это некий заготовленный шаблон. Но можно и экспериментировать. Да, в таком случае придется затратить много сил, однако и результат может оказаться вполне интересным. К примеру, та же Кора говорила, что не может управлять металлом, если не видит его. Однако стену на вожака обрушила безо всяких вопросов. Импровизация, мать ее.

- Если хочешь, можем немного поразвлечься, - решил пошутить я, на что получил вполне ожидаемый ответ:

- Шип, да пошел ты.

Всего у Алисы получилось шесть заходов. Не скажу, что я сразу стал чувствовать себя как прежде, но появилось ощущение, что стало полегче. Или это был эффект плацебо. Тоже немаловажная штука.

Перед заходом солнца (хотя точно ли его? Светила мы никогда не видели) я объявил полную боевую готовность. Даже в караул выставил двух человек. Помимо дремлющего Психа (его сменили к вечеру), еще Слепого. Крикастый друг мог просканировать местность. Однако зэки не напали. Что означало только одно: переговоры состоятся. Значит, рыбка заглотила крючок.

К утру я чувствовал себя новым человеком. В смысле, еще не тем, который был до ранения, но уже и не вчерашней развалиной. Я самостоятельно, пусть и не вприпрыжку, спустился к завтраку под дружные аплодисменты. Ну да, все те же на манеже. Хлопайте, хлопайте.

- Спасибо, Алиса, - сказал я еще раз. Ладно, соглашусь, доброе слово - оно и кошке приятно. Тем более что моя любовница имела вид, далекий от ее идеального состояния. Под глазами залегли глубокие синяки; кожа посерела, будто это Алиса, а не зэки, сидела в подвале.

Я присмотрелся и заметил легкие следы макияжа. Это она еще и припудренная так выглядит. Беда, что и говорить.

- Планы на сегодня следующие. Со мной на переговоры пойдут Псих, Гром-Баба и Алиса. Слепой и Кора охраняют квартал.

- Шипаштый...

- Охраняют квартал, - повторил я. - Кто знает, что будет на уме у этих зэков. К тому же пленников нельзя оставлять без присмотра.

Позавтракали мы молча. Ну вот, как вернулся командир, так сразу ушли веселье, беззаботность и расслабленность. Наверное, потому, что от меня приходили самые непопулярные решения. А как вы еще хотели, блин?

- Ты же не просто так решил взять меня с собой? - Алиса подошла ко мне.

- От тебя ничего не скроешь, моя обворожительная повелительница крови. Нужен твой защитный круг. Ты вообще потянешь, или стоит еще немного отдохнуть?

- Потяну, - решительно ответила Алиса. - Если в нас из всех стволов палить не начнут.

- Думаю, до этого не дойдет, но перестраховаться лишним не будет.

Перед выходом я все же подошел к надувшемуся Крылу. Ну да, обижается, что все великие дела совершаются без него. Зато всего пару предложений с объяснением, что именно моему маленькому другу отводится в моем плане главная роль, как пацан воспрял.

– Все запомнил? – переспросил я, отдавая письмо.

– Все, дядя Шип.

– Тогда вперед. Удачи. Так, Псих, Гром, Алиса, минутная готовность – и выходим! Кора, поди сюда, вот эту штуку выпрями.

Я лишь метнулся в тот самый подвал, поглядеть на пленников. А что, товар надо знать в лицо. Я же его сегодня продавать буду.

Кстати, что касалось АК-74, его удалось восстановить. Собственно, там и восстанавливать-то особо почти ничего не пришлось. Диагноз был поставлен быстро, стоило только разобрать автомат, – деформация газовой трубки. Поршень застрял и не давал затворной раме вернуться в открытое положение для перезарядки. Как это могло произойти? Да как угодно. Тот же сильный удар по автомату мог спровоцировать.

Лечилось все очень просто, с помощью Кору. А кто у нас еще мог вернуть металл в исходное положение?

Итого у нас было: АКС-74У, который я отдал Психу, и АК-74 у Алисы. Рокировку сделал из простых соображений: толку от Крикуна не будет никакого, если что начнется. А АК-74 в меткости превосходит «Ксюху», поэтому будет лучше, если он пока побудет у Алисы. Гром-Бабе я, конечно, дал на время свой ПМ. Даже напомнил, как им пользоваться. Однако что-то мне подсказывало, что в любой сложной ситуации она будет месить противника кулаками.

К обусловленному месту, на квартал дальше от бывших владений Слепого, периодически сканируя дорогу и окрестности с помощью Психа, мы пришли сильно заранее. Меньше всего хотелось бы попасть в засаду. Хотя что-то мне подсказывало, что Натюрморт такую подлянку устраивать не будет. Не потому, что он такой честный и благородный. Просто тогда непонятно, что произойдет с пленниками. А раз Федя не напал на нас ночью, значит, братва хочет вернуть

товарищей. Иначе будет не по понятиям. Ох уж эти сентиментальные сидельцы...

– Идут, – в какой-то момент сказал Псих, подтянув уроненную челюсть. – Шесть человек.

– Будьте начеку. Держу пари, он взял самых сильных бойцов. Алиса!

Повелительнице крови не надо было ничего добавлять. Она в мгновение ока превратилась в вампиршу, вытащила нож, уколола себе палец и стала капать вокруг себя. Пентаграмма налилась силой. Мне показалось, что я даже чувствую ее.

– Гром, выйди из круга, – не попросила, а потребовала девушка.

Вот, что я еще заметил, но ранее не придавал этому значения: Алиса и Гром-Баба вели себя подчеркнуто отстраненно за завтраком, будто депутаты, принадлежащие к разным фракциям. Оно и понятно, Громуша «разочаровалась» в Алисе, а последней больше не требовалась опека танка. С такой-то боевой трансформацией. Как красотка попала в нашу группу, уже никто и не вспоминал.

– Это еще зачем? – набычилась Гром-Баба.

– Наличие каждого человека в кругу требует дополнительного расхода силы, – спокойно, без тени эмоций на нечеловеческом лице (отчего, кстати, слова звучали еще более зловеще), объяснила Алиса. – Тебя же все равно ранить не смогут.

Гром-Баба, надо отдать ей должное, в бутылку лезть не стала. Перешла в боевую трансформацию и заняла позицию в трех метрах левее от нас. Я для верности тоже стал красивым и зеленым. Пусть Натюрморт видит, что у меня тоже все в порядке. А то уже на радостях, наверное, выпил за упокой шипастой души.

Зэки шли неторопливо, нагруженные оружием, как злодеи из сказки «Али-баба и сорок разбойников»: почти у каждого кобура с пистолетом, автомат наперевес, у

двоих даже тактические жилеты песочного цвета, в миру разгрузки. Оружия не было лишь у одного долговязого парня с придурковатым лицом и оттопыренными ушами. Видимо, это настолько серьезный тип, что ему даже саперную лопатку решили не давать.

Сам Федя оказался невысоким плотным мужичком моих лет, может, даже чуть постарше. Глубоко посаженные глаза, квадратная челюсть, нос картошкой, цепкий взгляд. Тот самый, который проделал прореху в моей стене.

Распахнутая кожанка, хотя для нее здесь было жарковато, красочно демонстрировала кучу татуировок разного уровня исполнения. Были здесь и высокохудожественные, но имелись и корявые самоделки, старые, почти выцветшие. Меня заинтересовали два перстня: один – «шахматный», другой – крест с косыми линиями по диагонали. Первый назывался «развратник», и били его только тем, кто провел два года в спецшколе. Второй более прозаичный – «один в кругу друзей». Такой уже наносили всем, прошедшим малолетку. Ну и, само собой, «Ф.Е.Д.Я» на костяшках левой руки. Насыщенная жизнь была у Натюрморта.

Правда, пугало меня не прошлое зэка, а то, что я откуда-то все это знаю.

– Ты, значит, Шипастый, – вместо приветствия кивнул он.

– Я.

– Давай отойдем, пошлепаем, что ты там придумал.

Федя без лишних слов сделал несколько шагов в сторону. Его люди даже бровью не повели. Хорошая дисциплина. Либо он их заранее предупреждал. К тому же держу пари, это его ближний круг, сюда попадали самые преданные и понятливые.

Но что мне стало ясно еще – Натюрморт намного умнее, чем кажется. Он сразу срисовал, что разговор должен происходить наедине. Потому что я предложу ему нечто заманчивое. Но именно об этом не должны знать другие.

Что называется, наступил момент истины. Либо я показываю, что готов к этому и у меня тоже есть яйца, либо... ничего не получится. Я кивнул Алисе, мол, все под контролем, и неторопливо вышел из круга. Шаг, второй, третий. Зэки стояли не шелохнувшись, лишь сверлили взглядом мой отряд.

Федя меж тем взял меня под руку, как старого закадычного приятеля, и мы отошли метров на тридцать. Так, чтобы нас было еще видно, но уже не слышно.

– Удивил, Шипастый, удивил. Я же сам видел, как Сивый тебе в печень бил. Там без вариантов.

– Разве этим шестеркам можно что-нибудь доверить? – пожал плечами я. – Всегда все через жопу сделают.

Конечно, я рисковал. Все тонкости взаимоотношений Натюрморта с его соперниками строились лишь на разведанных Крыла и непродолжительном разговоре с пленником. Мало ли как оно могло оказаться в действительности? Но я, видимо, попал в точку. Потому что Натюрморт хрипло рассмеялся:

– Да, молодняк нынче борзый. Хотят всего и сразу, старшим в жопу все время заглядывают, а как до дела доходит... – Федя махнул рукой, мол, о чем тут вообще говорить. – Так что ты хотел предложить?

– Вернуть тебе четверых людей, которых мы взяли в плен. Трое твоих, один – Сивого.

– Кто там? – нахмурился Натюрморт, будто от персоналий находящихся в подвале заключенных зависело, стоит ли за них впрягаться или нет.

Я, как смог, описал внешность каждого. Федя лишь удовлетворенно кивал. Дескать, знаю, такой есть. И только под конец хитро поглядел на меня.

– И чего же ты хочешь в обмен на них?

Я улыбнулся, глядя ему прямо в глаза:

– Всего лишь одного. Сивого.

Глава 5

Федя молчал долго, пронизывая меня колючим взглядом. Уж насколько я был матёрым в делах ведения переговоров с разной мразью, но от вида этих холодных, будто бы безжизненных глаз хотелось опустить голову и никогда вновь не смотреть на зэка. Однако подобного делать было нельзя. Это испытание. Очередное. И в зависимости от того, как я его пройду, и будет выстраиваться разговор.

Уже сейчас было понятно, что Федя допускает возможность выдачи своего конкурента. Осталось всего ничего – убедить главного зэка, что отдать мне Сивого будет выгодно не только нашей группе, но и его колонии. А для этого необходимо дождаться, когда Натюрморт решит заговорить.

– Не пойму, ты серьезно или в натуре крысу во мне увидел? – угрожающе придвинулся он. – Чтобы я братана сдал...

– Федя, давай будем разговаривать по существу, – я спокойно выдержал первый натиск, – а свои понятия оставь для тех, кто в них верит. Ты слишком долго думал для того, кто в итоге решил оскорбиться. Значит, тебе это интересно. К тому же даже сейчас ты стараешься подбирать выражения, чтобы невзначай не оскорбить меня. На зоне и за меньшее на перо ставят. Теперь ближе к телу. Сивый тебе никакой не братан, а конкурент. Его позиции до недавнего времени были относительно слабы, но что-то мне подсказывает, что после устранения лидера чужой группы политические очки твоего «братана», – я сделал кавычки пальцами, – серьезно выросли.

Федя Натюрморт скрипнул зубами, однако прерывать меня гневной тирадой не спешил.

– Пусть и окажется в итоге, что Сивый меня не убил, а всего лишь ранил. Думаю, к серьезному удару по репутации это не приведет. Итого – крестовый поход, который был явно твоей идеей, обернулся против самого организатора. Может, я что-то подзабыл?

– Разложил, – хмуро сказал Федя, сплюнул себе под ноги и неожиданно рассмеялся. – Только что с того?

– Я перефразирую твой вопрос. Как мне сделать так, чтобы ты смог дать то, что мне нужно?

Федя лишь хмыкнул, но промолчал. Ладно, я и сам себе хороший собеседник.

– Как много у тебя людей, которые сделают все, что ты прикажешь, без обсуждений и попыток притянуть за воровские понятия?

Вместо ответа зэк обернулся на тех мужиков, с которыми пришел. И по-прежнему не проронил ни слова. Умно. Он как бы не говорит ни да, ни нет.

– Можно пригласить Сивого завтра на второй раунд переговоров. Сказать, что он нужен потому, что среди пленников его человек. В сопровождение Сивому можно будет взять одного из своих людей. Что произойдет с ним, это уже не мои проблемы.

– Сивый спросит, чего вы хотите, – наконец произнес Федя.

– Мира, – улыбнулся я. – Нас здорово впечатлило нападение с разрушением стены и мое ранение. Ну, и еще мы хотим немного оружия. Какого именно – на твое усмотрение.

– Не жирно? – посуровел Федя.

– Это лишь легенда для Сивого. Мне от тебя нужна только его голова.

На самом деле нам бы не помешали еще автоматы. Спроси любого, бывает ли лишним АК, он скажет, что, конечно, нет. Однако и наглеть не надо. У меня была вполне определенная цель, и чтобы ее достичь, не нужно перегибать палку.

– И что потом? – спросил Федя.

– Переговоры зайдут в тупик, – пожал плечами я. – Чего еще можно ожидать от неадекватов вроде нас? Ты применишь силу и героически освободишь

пленников, тех, кого сможешь, – я сделал жирный намек, на что Натюрморт кивнул. – Даже обещанное мне оружие останется у тебя. И в итоге все в выигрыше.

– Гладко стелешь, – скривился Федя. – Чего ты хочешь от Сивого?

– Говорят, он в шашки хорошо играет, мне как раз соперник нужен, – усмехнулся я. Но все же добавил серьезно: – Я хочу, чтобы он умер.

Отчасти это было правдой. К тому же другого ответа Федя бы не принял. Живой Сивый – оружие еще более опасное, чем пленники. Потому что является ярким примером нашего сговора.

В общем и целом мы обсудили все, что следовало. Поэтому я сказал последнее слово:

– Думай.

И направился в сторону наших людей, тем самым давая понять, что разговор закончен. Лишь обернулся напоследок.

– Завтра в это же время я буду ждать вас здесь с пленниками. Если не появишься или решишь напасть, это тоже будет считаться ответом.

Только теперь я понял, что чувствовал герой Бельмондо из «Профессионала», когда шел в конце фильма к вертолету и буквально лопатками ожидал пули. Вот только Федя Натюрморт был умным мужиком. Недостаточно умным для моего плана, но вполне сообразительным, чтобы понять: предложение царское. Такого, чтобы избавиться от одного из надоедливых лидеров и упрочить свое положение в колонии, ему больше никто не сделает. Поэтому не выстрелил.

– Расход, – махнул он своим людям, и те стали пятиться, не опуская оружия.

Сам же Федя повернулся спиной и шел спокойно, потому что знал: я тоже не выстрелю. Надо отдать ему должное, яйца у главаря зэков явно из титана. Хотя по-иному и быть не могло. Другой бы попросту не смог руководить законченными урками.

– Шипастый, я немного не поняла, – пробормотала Гром-Баба, когда зэки добрались до перекрестка и свернули за руины. – Все хорошо прошло?

– Завтра посмотрим, – коротко ответил я.

Вплоть до нашего квартала мы молчали. Отпустило меня уже только наверху, после двух стаканов водки. Тело забила крупная дрожь, адреналин бурлил в крови. Так обычно бывает после неожиданной драки, когда основная опасность миновала. Хотя миновала ли? Не знаю. Я вот до сих пор успокоиться не мог.

Говорят, нельзя играть в карты, если тебе хронически не везет. Ждешь валета для каре, а приходит шестерка. И на лице сразу все написано. Помножить на это еще невероятную азартность – и выходит картина маслом. Мне и умеренного пьянства с головой хватало.

Но ведь сыграл партию. И кажется, противник поверил в мой блеф. Или... Впрочем, «или» будет завтра.

– Дядя Шип, ты опять пьешь! – возмущенно воскликнул бьющийся в окно Крыл.

– Хватить стучаться в окно. Что за манеры? Войди как нормальный человек.

Пока пацан поднимался по лестнице, я успел спрятать средство обретения бывшего спокойствия. В инвентарь, само собой. У меня там такой минибар был – на одну хорошую посиделку хватит. Но Крыл сегодня был само занудство.

– Опять пьешь! – с порога повторил он.

– Не опять, а снова, – поправил его я. – И не пью, а восстанавливаюсь после раунда тяжелых переговоров.

– Как прошло? – все еще недовольно спросил Крыл.

– Вроде успешно. Как у тебя? Адресат получил письмо?

– Получил, – тряхнул челкой пацан.

- Ты уверен?

- Уверен. Видел тень в окне. Он поднял камень, не выбросил его наружу. Значит, прочитал.

- Замечательно, - я вытянулся и захрустел суставами.

Нервяк постепенно прошел, и на его место пришло легкое алкогольное опьянение. Вот никогда не понимал тех, кто пьет до момента, пока не падает лицом в салат. Организму для выработки эндорфинов нужно не так много, главное, постоянно поддерживать градус. В конце концов, не зря же древние греки придумали вино и все его производные? Мне вот лично было жаль их усилий. Нет для мужчины ничего хуже, чем трезвость, воздержание и работа пять дней в неделю. Это все лишает полета фантазии.

- Ты, походу, напоролся, дядя Шип, - сурово припечатал меня Крыл. - Смотришь в пустоту и улыбаешься.

- Уже и поулыбаться в собственной квартире нельзя. Американцы вот всегда улыбаются.

- Ну, и сильно им это помогает?

- Судя по тому, что мы еще ни одного из них не встретили, помогает. Ладно, давай шуруй отсюда. Мне еще подумать надо.

Конечно, я соврал. Все уже было обмозговано десятки раз. Древние персы, если я не ошибаюсь, обсуждали новые идеи дважды - трезвыми и пьяными.

Считалось, что идея должна хорошо звучать в обоих состояниях. Так вот, с этим у меня никаких проблем не возникло. Разве что алкоголь заканчивался, к моему сожалению, слишком быстро. Но чего не сделаешь для планирования козней?

В общем, оставшуюся часть дня я предавался лени и неге. Только вышел на обед, проверил пленников, даже наказал их хорошенько покормить. Надо же, чтобы у ребят осталось о нас неплохое впечатление. К тому же кто-то из них может не дожить до завтрашнего вечера. Более того, я даже догадывался, кто именно. Но это уже не моя печаль.

Как все-таки Город меняет людей! Даже сердобольная Гром-Баба, которая приютила Алису и противилась убийству людоедов, после того как услышала план, лишь пожала плечами. Мол, если считаешь нужным, действуй. С каждым днем, с каждым новым сражением мы черствели все больше. Кем мы станем через пару месяцев? Теми, кем и хочет видеть нас Голос?

Следующее утро началось странно. Я проснулся... от холода. Ну, или, по крайней мере, мне так показалось. Учитывая, что температура в Городе постоянная и комфортная (здесь было не жарко днем и не холодно ночью), звоночек оказался серьезным. Уж не болен ли я? Как не вовремя. Хотя когда болезнь бывает вовремя?

По старой русской традиции, я решил лечиться народными средствами. Начал с водки с перцем и медом. Правда, перца не нашел, а за медом пришлось бы идти к Психу, поэтому обошелся тем, что было.

После полного стакана водки по груди стало растекаться тепло, да и вообще настроение улучшилось. Как говорили у нас на районе, «С утра выпил – день свободен». Эх, мне о таком только мечтать.

На завтрак у нас была рисовая каша, к которой теперь добавился вчерашний хлеб, какой-то паштет из запасов Голоса, чрезвычайно пахучий, но вместе с тем вкусный, и крепкий чай. Что сказать? Да, жируем помаленьку. У меня вон даже на животе складочка начала появляться.

– Гром, пленных накормила? – спросил я.

– Нет, только еду на них переводить, – женщина сурово зыркнула на меня исподлобья. Вот тебе и вся сердобольность. С другой стороны, прожженные ээки – это не растерянная девочка на улице Города.

– Пленных надо покормить, – повторил я тоном, который Гром уже стала безошибочно определять. После него споры обычно прекращались.

...Я посмотрел вверх. Плотная завеса облаков внезапно сменилась ярким куском неба, а со всех сторон меня окружили высокие глиняные стены. Холод

превращал заочневшие мышцы в бесчувственное дерево, а само тело казалось чужим и каким-то далеким. Хотя это даже хорошо. Раны от пыток уже не так болят. И еще невероятно хотелось есть. Хоть чего-нибудь.

– Эй, русский, – крохотный кусочек неба наверху закрыла тень бородатого мужчины. – Сегодня кымандир приедет, дон, если так и будешь мылчать, дон, умрешь, как шакал.

Я провел языком по губам, пытаюсь разомкнуть, но трещины на них лишь разошлись, и я почувствовал железный привкус крови.

– Я ничего не знаю. Я обычный рядовой российской армии.

– Где твой знаки отличия, рядовой?

– Потерял, – бойко соврал я. – Ночи у вас здесь очень темные.

Боевик что-то пробурчал на своем басурманском, а после сделал два шага в сторону и отдал какой-то приказ одному из охранников. Черт знает, что именно. Наверное, что-то типа «будьте с ним предельно вежливы, старайтесь не помять драгоценное тело нашего гостя, а также накормите и напоите его». Просто, скорее всего, эти арабские наемники не знали языка, поэтому так плохо исполняли приказы.

Я усмехнулся. Чувство юмора и предельно циничное отношение к жизни – единственное, что помогало мне выжить. Серега вон решил «сотрудничать» на второй день. Его и подняли наверх. Вот только что-то мне подсказывает, что ни хрена хорошего из их беседы не вышло. Да и не знал он ничего.

Мы должны были встретиться с информатором из местных, вот только что-то пошло не так и вместо мудрого аксакала, жадного до российских денег, нас встретила группа моджахедов. Я даже одного успел кончить, а второго ранить. Вот они, наверное, оттого такие и злые.

Но нас не убили. Понимали, что мы можем что-то знать, и «беседовали», с присущим боевикам дикарским чувством такта. Ладно, кости есть, а мясо нарастет со временем. Вернусь обратно – а я обязательно вернусь, – сразу сожру

пять шампуров шашлыка с луком и помидором. И непременно с лепешкой, невероятно горячей и ароматной. Зараза, как жрать-то хочется...

- Шип, ты че тут, медитируешь, что ли? – толкнула меня в бок Алиса.

Клочок яркой синевы, который был виден из зиндана, сменился привычной серой хмарью, которую мы по ошибке называли небом. Я машинально рванул зубами кусок хлеба, уже чуть черствого, лежалого, и облегченно выдохнул. Не думал, что когда-нибудь обрадуюсь, что снова в Городе.

- Пытаюсь нащупать энергию ци, чтобы ей пусто было, – ответил я. – А где Гром?

- Ты же сам ее зэков кормить отправил.

- А-а-а... – протянул я.

Нет, эти вставки из прошлой жизни начинают меня здорово напрягать. Почему они не приходят вечером или во сне? И еще во времени растягиваются. Раньше они хотя бы проходили в одно мгновение. Ох, не нравится мне это, очень не нравится. Как бы во время боя так не выключиться.

- Тогда собираемся, – я глотнул крепкого чаю. – Пойдут...

- Дядя Шип, разреши обратиться, – серьезно сказал Крыл.

Я чуть чашку из рук не выронил. Где только нахватался?

- Разрешаю.

- Возьми меня с собой, – почти жалобно попросил он. – Я могу прикрыть сверху.

- И меня бери, Шипаштый, – вмешался Слепой. – Мало ли, какая заварушка будет, я прикрою. Не нравятша мне эти зэки.

– Я молчу, – миролюбиво подняла руки Алиса. Хитрая. Знает, что без нее, точнее, без ее защитного круга я не пойду.

– Да все можем пойти, – подала голос возвращающаяся с пустой кастрюлей Гром-Баба. – Если это будет отвлекающий маневр и на квартал решат напасть, то будет только хуже. К тому же продукты я все равно все спрятала. А оружие у тебя.

Собственно, я и сам придерживался подобных размышлений. Если что-то пойдет не так, то будет лучше, если в одном месте окажется собрана вся боевая группа. Ведь квартал – это не просто стены и дома. Квартал – это люди. Квартал – это мы.

– Пойдут все, – сказал я. – А в следующий раз научитесь слушать до конца.

В назначенный час, а если быть точнее, чуть раньше мы выдвинулись на место встречи.

– Куда вы нас ведете? – спросил один из зэков, худой кашляющий тип с перебитым носом. Человек Сивого. Чувствует он, что ли?

– На прогулку, – ответил я.

– Не хочу я ни на какую прогулку.

– Оля и Маша любили «Третьяковку», но возили их только в сауну. Я к тому, что твоего мнения никто не спрашивает. Двигай давай.

До места встречи, назначенной посреди руин, мы добрались без особых приключений. Алиса «починила» зэков как смогла. То есть без особого фанатизма. Раны не кровоточили, идти наши гости были в состоянии, поэтому в графе «больной» появилось «К выписке». Зэки сначала пытались что-то говорить, даже требовать – видимо, свежий воздух вскружил голову, – но стоило разок передернуть затвор, и желания вести переговоры поубавилось.

Наконец мы добрались до перекрестка посреди руин. Чуть поодаль, сзади, на крыше своего собственного дома нас прикрывали Слепой с Корой. У обоих по АК-

74, так что при желании и определенном везении они могли навести шороху. С ними же Крыл, который должен вдобавок просматривать подход к дому старика и вообще окрестные дороги в поисках незваных гостей. Ну а мы в привычном составе – Псих, Алиса, Гром-Баба и я – остались на перекрестке. На манеже все те же.

Пленников я поставил на колени перед защитным кругом Алисы. Не потому, что хотел унижить. Просто в таком случае они не смогут быстро подняться и сделать какие-нибудь глупости. Я их, конечно, предупредил со всем даром собственного убеждения, что двигаться можно лишь когда я разрешу, но мало ли. К тому же они могут стать нашим первым защитным рубежом, если Федя решит пострелять.

– Дядя Шип, – подлетел Крыл. – Там с востока идут трое зэков. Точнее, не идут, крадутся. Я, конечно, мимо пролетел, типа не заметил.

– Типа молодец, – похвалил его я. – Не разглядел, кто?

– Не разглядел, – отрицательно помотал головой Крыл. – Но среди них он. Я его почувствовал.

Ну да, ну да, чудесное мушиное обоняние решает. Я попытался унять дрожь. Спокойно, Шип, спокойно, все идет по плану, все идет по плану. А при коммунизме все будет зашибись, он наступит скоро, надо только подождать. Там все будет бесплатно, там все будет в кайф... Там, наверное, вообще не надо будет умирать. Тьфу, вот прицепилось же...

– Идут, – сказал Псих. – Пять человек, впереди.

– Давай, Крыл, лети отсюда от греха.

А сам стал всматриваться в приближающиеся фигуры. Лиц я не видел, но внутреннее чутье меня успокоило. Судя по количеству зэков, план удался. И среди них точно есть Сивый.

– Спокойно, – негромко скомандовал я пленникам.

И для подкрепления своих слов создал ловушки, которые пробились сквозь асфальт и опутали ноги зэков. Конечно, это не так поэтично, как роза, которая проросла сквозь бетон, но, по мне, тоже неплохо.

А все потому, что как только пленники увидели своих, так тут же позабыли все данные им наставления. Как дети, ей-богу. Я и сам немного смешался, ощутив на себе нахальный и надменный взгляд Сивого. Его глаза будто говорили: «Жалко, что я не смог убить тебя. Придется попробовать снова».

Федя шел медленно, будто нехотя, поэтому Сивый то и дело вырывался вперед, как скачущий мальчик, который останавливается, чтобы дождаться родителей. Подле него неторопливо двигался невысокий крепыш с шрамом на небритой челюсти, с бесцветными, почти пустыми глазами, не выражающими никаких эмоций, и с АК-102 в руках. Однако, сколько же у зэков оружия...

– Живой, значит, – хмыкнул Сивый вместо приветствия.

– Твоими молитвами, – кивнул я, решив не портить одному из главарей сидельцев последние минуты жизни.

Сивый фыркнул, однако ничего не ответил, вопросительно посмотрев на Федю Натюрморта.

– Оружие, как ты и просил, – начал говорить он, медленно доставая принесенное в инвентаре и складывая перед собой на асфальте. – Два семьдесят четвертых, полуавтоматический дробовик и вот эта хрень. По одной единице оружия за каждого пленника.

Под «этой хренью» Федя имел в виду АН-94, в миру «Абакан», а полуавтоматический дробовик оказался «Вепрем». У меня даже руки зачесались нарушить договоренность. Уж слишком вкусные плюшки, которые так нам и не отдадут.

Вообще с точки зрения здравого смысла, приносить подобное оружие – глупость. Я бы притащил стандартные «Калашы». Зачем противнику знать, какой именно арсенал у тебя имеется? Чтобы лишний раз напугать нас? Ну, не знаю, пуганые вроде.

Само собой, эта провинциальная постановка сельского театра имела лишь одну цель – отвлечь Сивого и его прихвостня. Потому что еще на середине речи Федя два его человека тихо, будто прогуливаясь, подкрались к объектам. Сивый, наверное, даже не понял, что его вырубил. Лишь тяжело выдохнул, когда на его голову обрушился приклад одного из молодчиков Федя. Человек Сивого обернулся на звук, но тут же получил мощный удар локтем, сваливший его с ног. Судя по хрусту челюсти, последнюю бедняге сломали. Впрочем, это не самое страшное, что с ним сегодня случится. Ведь день только начался.

– Братва, вы чего? – завопил один из пленников. Тот самый, который не хотел гулять. Остальные молча наблюдали за происходящим с ошарашенными глазами. Да, операция «Освобождение» пошла не по их плану.

– Все просто, – сказал Федя, глядя ему в глаза. – Таковы условия договора. Чтобы вы жили, кое-кто должен умереть.

– Натюрморт, это в натуре беспредел! – не унимался пленник. Если бы не мои ловушки, он бы точно вскочил на ноги. – Когда пацаны узнают...

Договорить я ему не дал. Вырубил таким же макаром, что и ээки, только ударил прикладом чуть выше лопаток. Если знать, куда бить, то результат будет не хуже, чем при ударе по голове.

Бедняга и так наболтал слишком много. Ему бы прикинуться шлангом и молчать в тряпочку, глядишь, может, и выжил бы. Хотя не знаю, какие планы у Федя. Ясно одно: теперь этот сиделец точно покойник.

– Ну что, так и будем сиськи мять? – спросил Федя. – Вот тебе Сивый. Ты хотел убить его. Делай.

– Прямо сейчас? – поинтересовался я.

– Я должен убедиться, что он мертв, – ответил Натюрморт.

Ну да, чего-то подобного я и ожидал. Не в таких уж мы хороших отношениях, чтобы верить друг другу на слово.

Я пожал плечами, перехватывая автомат, и выпустил лиану. Та ударилась об асфальт с громким чавкающим звуком, вываливая содержимое черепной коробки наружу. Как и содержимое инвентаря.

– Это принадлежит нам, – решительно сказал Федя.

Я жадно посмотрел на АК из сотой серии, два пистолета – ГШ-18 и ПСМ, россыпь патронов, газовую горелку, кучу консервов, старые затертые эротические журналы и прочую мелочевку. Нет, интересовала меня, конечно, не печатная продукция с голыми девками, а оружие. Но ссориться сейчас с Федей из-за этого, когда все идет по плану, – глупость полная. Поэтому я сделал то, чего по жизни старался не совершать: проглотил наглость собеседника. Поиграл желваками и перетерпел. Иногда надо сделать шаг назад, чтобы потом совершить два шага вперед. К тому же, если мыслить логически, то мой визави действовал согласно договору. Ведь про выпавшие с мертвеца вещи мы ничего не говорили.

Федя Натюрморт неторопливо подобрал все добро, выпавшее с Сивого. Забрал и внушительный камень, тут же поглотив его. А после поднялся на ноги.

– Я свою часть уговора выполнил, – сказал он.

Я поднял руки, напряженно улыбаясь, и ловушки отступили от пленников. Трое неторопливо встали с колен, явно смущенные произошедшим, а последний, тот самый человек Сивого, так и остался отдыхать на асфальте.

– Кореша, тут бадяга такая, у Шипастого с Сивым терки серьезные были. Ну, и Сивый там не прав конкретно. Просто нам говорил другое. Этого он, конечно, признавать не хотел, в залупу полез. И если бы мы с Шипастым нормально не перетерли, еще бы много наших полегло. Вот и пришлось, так сказать, отделаться малой кровью.

Давай, мели Емеля, твоя неделя. Хотя это вранье Федя явно сочинил заранее. Чешет как по бумажке, будто «Первый канал» смотрю. Но прерывать я Натюрморта, естественно, не стал. Самому интересно, куда все это приведет.

– Ну, сами понимаете. О том, что здесь произошло, никто не должен знать.

– Федя, я тебе зуб даю, буду молчать как рыба об лед, – заявил тот самый зэк, с которым я разговаривал в квартале.

– В тебе, Шнур, я вообще не сомневался, – Натюрморт протянул ему ладошку для рукопожатия.

Я едва удержался, чтобы не улыбнуться. Ну да, ну да, вот вам и все понятия, вот и воровская честь. АУЕ в чистом виде, как оно есть. На словах они красивые, благородные – «не надо ссучиваться, не ложиться под ментов, вести себя по жизни ровно». А на деле чуть что – и: «Алло, полиция, это рецидивист Федорчук, у меня украли коллекцию резиновых членов». Жалко, не все молодые пацаны это понимают, увлекаясь воровской романтикой.

– Сиплый, Бледный, что скажете? – обратился Федя к остальным пленникам, когда Шнур в прямом смысле перешел на его сторону.

– Натюрморт, ты же знаешь, в натуре, мы всегда за тебя были, – заявил тот, что повыше, действительно хрипловатым и немного дрожащим голосом.

– Век воли не видать, – по-мальчишески пропищал Бледный.

– Значит, за слова и ответить сможете, – кивнул Федя и вытащил приготовленные «для меня» АК. – Кончаете этих двоих, и все. Только в голову не шмаляйте. И без порожняка.

Спутники Феде Натюрморта как бы ненавязчиво навели оружие на пленников, давая понять, что если они начнут гнать порожняк, то этого им не простят.

А что, все грамотно. Я даже догадался, на кого спишут трупы. На нас. Мол, завалили бедных и несчастных «пацанов». Беспредельщики. Потому и в голову нельзя стрелять, мы же не снайперы какие.

Я был более чем уверен, что в результате избавления от Сивого следующим на очереди станет Святой. Власть – та же самая зависимость. В разы опаснее водки. Сколько она талантливых людей сгубила! Чем больше у тебя в руках власти, тем еще больше хочется. И уж тем более не возникает никакого желания ее делить. Держу пари, со Святым в ближайшее время случится какое-нибудь несчастье. А потом...

Потом Федя вернется за нами. Ведь эки будут жаждать крови. Мы же как-никак убили Сивого и его людей, намеренно, жестоко и вероломно. Держу пари, на этот счет у Натюрморта есть еще несколько заготовленных речей. Языкастый чертяка оказался.

Вот только до момента, когда Федя решит нагнуть Шипастого и его группу, надо дожить. А в Городе может случиться всякое. Зазеваешься, глядишь – и дырка в голове.

Недавние пленники, впрочем, в тонкостях политической игры двух лидеров не особо разбирались. Они выполнили приказ без всяких раздумий и ненужных размышлений. Сняли с предохранителя, передернули затвор и двумя очередями вспороли бесчувственные тела своих «корешей». Потому что здесь выбор стоял предельно четкий: либо они, либо их.

– Добро, – заключил Федя, – автоматы оставьте у себя. И соберите с них вещи. Камни мне.

Да, теперь они у него на крепком крючке. Таким можно и оружие оставить. Ребята повязаны кровью, и отступить им некуда. На Кавказе так иногда поступали с попавшими в плен милиционерами или военными, которые после были вынуждены сотрудничать с боевиками. Вот только соглашались единицы. Потому что даже у наших девятнадцатилетних пацанов было кое-что, что отсутствовало у сидельцев. Честь.

Я сжал кулаки, впившись себе ногтями в кожу до крови. Не хватало еще сейчас улететь на каком-нибудь вьетнамском вертолете в очередной флешбэк. А что-то мне подсказывало, что история в руку в моем зажатом кулаке существовала.

– Что, Шипастый, не одобряешь? – Федя заметил, что я сжался до состояния пружины.

– Это ваше дело, – я пожал плечами, стараясь говорить как можно более ровно. – Ты свою часть сделки выполнил. У меня к тебе никаких претензий.

– У меня к тебе тоже, – Натюрморт протянул руку. Короткую волосатую руку, без мозолей и натертостей. Руку, которая точно не знала за свою жизнь физического труда. И только и делала, что наливала чифирок, мяла сигареты, воровала, а теперь и убивала. Я сжал зубы, стараясь подавить все эмоции, и пожал ее. Потому что не важно, как я к нему отношусь и что думаю. Главное – довести дело до конца. А именно сейчас за нами наблюдали.

– Приятно иметь с тобой дело, Шипастый, – усмехнулся Федя.

– Взаимно, – сдержанно ответил я.

– Бледный, Сиплый, поднимите этих двоих, уберите к себе в инвентарь. Шнур, ты возьми Сивого. Надо их похоронить нормально.

Или, если быть точнее, остальным зэкам нужны доказательства смерти их товарищей. Все как по книжке «Ложь в военное время», которую я читал пылким вьюношей. Но еще тогда она оказала на меня сильное влияние. Там, задолго до Геббельса и компании, был изложен ряд принципов, которым необходимо следовать для достижения цели. Если тезисно, вот они:

– «Мы не хотим войны». То есть что существуют засранцы, которые спят и видят, как бы убить побольше невинных зэков. Тут поднимется первый конфликт с людьми Сивого, который Федя, при его-то способностях, повернет в нужное русло.

– «Только противоположная сторона виновна в войне». Собственно, тоже все понятно. Это именно люди Шипастого начали войну. А Федя Натюрморт, известный гуманист, даже пошел на немыслимое, чтобы освободить заложников. Но и тут я проявил свою гнилую натуру.

– «Враг по своей сути злой и похож на дьявола». Здесь и ходить далеко не придется. Как много зэки знают людей в Городе, которые после смертельного ранения способны выжить?

– «Мы защищаем благородное дело, а не свои собственные интересы». Ага, мстим за павших товарищей. И вообще, за все хорошее и против всего плохого. Еще сигареты, чай, халву и прочий грев на выходных в детские дома возим.

В общем, в книге было около десяти принципов, всех не упомяну, но вот этих четверых хватит с головой. А судя по тому, как развернулся Федя, ничуть не стесняясь моего присутствия, он значительно расширит возможности старой книжки. Точнее, расширил бы, если бы успел.

Я смотрел на уходящих эков, разглядывал следы крови на асфальте и пытался успокоить бешено стучащее сердце. Переговоры прошли именно так, как я задумывал. Хотя меня бы не удивило, если бы Федя порешил всех пленников. С другой стороны, я его понимаю, уж слишком подозрительно.

– Что скажешь, Псих? – я повернулся к соседу.

– Чудовищно, – признался тот.

– Эй, комитет по этике, раздуплись. Я о другом.

– А, – спохватился Псих, вытягивая челюсть.

Манипуляции заняли несколько секунд, после чего сосед выдал:

– Троицы нет. Тоже ушли.

– Более того, могу поклясться, что сейчас Святой со своей свитой бегут в лагерь эков сломя ноги, чтобы успеть раньше Федеи.

В этом и заключался мой тупой и незатейливый план. Рассказать о наших с Натюрмортом переговорах тому, кому эта беседа без галстуков будет наиболее интересна. Для чего? Ну, тут ответ очевиден. Зачем бороться с группировкой, которая превосходит тебя в численности и вооружении, если можно разрушить ее изнутри? Проще подстроить все так, чтобы в лагере эков началась гражданская война. Кто уж там одержит верх – Святой или Федя Натюрморт – дело совсем десятое. Главное, что во время выяснения отношений погибнет много противников. Что и сказать, кое-что из стареньких книжек, прочитанных в

армии, я тоже усвоил.

Теперь лишь оставалось немного подождать, а потом пожать плоды от семян войны, которые я посеял.

- Домой, - махнул я рукой, как только ээки окончательно скрылись из виду.

Вопреки опасениям, наш квартал никто не пытался захватить. У Феди Натюрморта план был иного свойства. Мне наши переговоры напоминали рынок, где продавец и покупатель расходятся довольные собой, считая, что обманули друг друга. Вот только в нашем случае я знал истинную ценность договоренностям и иллюзий не питал.

В честь успешно прошедшего дипломатического раута я даже разрешил открыть консервированного цыпленка - в крохотных жестяных банках - и гусиный паштет. Вкуснота необыкновенная, жалко, мы взяли с собой не так много этого деликатеса. Кто же знал...

Несмотря на то что наша группа стала свидетельством жестокой расправы своих над своими, в отряде царило приподнятое настроение. Слепой сыпал сальными шепелявыми шуточками в адрес Гром-Бабы, на что та отвечала смущенной улыбкой и крепкими ударами в плечо старику. Кора о чем-то увлеченно болтала с Психом, Крыл в третий или в четвертый раз рассказывал, как он пролетел мимо Святого, сделав вид, что его не заметил. Алиса намазывала мне гусиный паштет на хлеб, смотря из-под своих густых длинных ресниц весьма похотливым взглядом. Понял, принял.

Вообще создавалось такое ощущение, что несколько семей выбралось на пикник. Да, хреновенький, если уж происходил он во дворе жилых домов. Сейчас Слепой будет в лучших традициях городских быдланов готовить шашлык и «окуривать» окрестности запахом жареного мяса. Потом кто-то вызовет полицию, они пожарных, нам выпишут штраф...

Но поток моих мыслей прервала крохотная капля, упавшая на нос. А следом другая, уже свалившаяся на лоб. Я недоуменно поднял голову, будто человек, впервые столкнувшийся с дождем. В полной растерянности оказались и остальные члены группы. Мы сидели, глядя, как небо разродилось мелким бисером, не веря собственным ощущениям. И только спустя полминуты стали

суетиться и убирать еду со стола, словно дачники, застигнутые в беседке ливнем.

- Крыл, а ты ведь под дождем не сможешь летать, - дошло до меня, когда мы укрылись в подъезде, глядя, как снаружи хозяйничает непогода.

Крупные капли уже стучали по крыше, стекали по водостоку, жадно впитывались сухой землей.

- И от нашей шиштеммы оповещения в виде мушора и битого штекла толку никакого, - подал голос Слепой.

В этом он тоже был прав. Лично я не слышал ничего, кроме шума барабанящего на все лады ливня, который, казалось, входил в раж.

- И вообще это странно, - заметила Гром-Баба. - Тут же дождей не бывает.

- Так мы ничего не знаем об этом месте, - решительно отрезал Крыл.

Видно было, что он хотел сказать что-то умное, быть наравне со взрослыми. И, кстати, у него получилось. Сведений о Городе у нас действительно имелось чрезвычайно мало.

- Знаю одно, - сказал я громко, пытаюсь перекричать шум грохочущей воды. - Здесь не обошлось без нашего друга. И думаю, скоро он себя проявит.

Мы ничего не знали о Городе, но кое-что стали понимать в Голосе. К примеру, его извращенное чувство юмора приводило к определенной предсказуемости. Потому что не прошло и часа, как зашуршали динамики. И даже сам дождь на мгновение стих, чтобы не мешать говорить своему хозяину.

– Уважаемые жители и гости города! В связи с ухудшением погодных условий значительно повышается риск возникновения дорожных происшествий. Просим вас оставаться на освещенных участках улиц и без крайней нужды не углубляться в туман.

Динамики стихли. И сразу же перестал идти дождь. Будто кто-то щелкнул выключателем. Чудеса? Добро пожаловать в Город. Тут главное ничему не удивляться, а то сразу вычислят, что ты не местный.

– Что еще за дорожные происшествия? – спросил наконец Крыл. – Что-то связанное с авариями и машинами?

– Нет, – в очередной раз я выступил в роли толмача. – Тогда бы он сказал «дорожно-транспортные происшествия». Значит, тут будет просто какая-то бодяга на улицах.

– Что еще за туман? – дождался своей очереди Слепой.

– Вот этот, – я показал на густую взвесь испарений, которая с каждой новой секундой становилась плотнее.

Туман появился из ниоткуда, словно по взмаху чьей-то руки, принадлежащей существу со скверным чувством юмора и явно отвратительным характером.

Но это полбеда. Из тумана раздавались странные пугающие звуки. Будто кто-то что-то жрал, перемалывая острыми зубами огромные кости, хрустя и громко чавкая. Этот ужасающий звук не смогла заглушить даже приливная волна. Угу, волна, чтоб ее... Значит, началось...

– Так, быстро за мной, никому не отставать, – скомандовал я, заметив небольшой просвет, ведущий к стене.

Может, я дурак, но мне кажется, что таким образом Голос дает понять, куда следует двигаться. Есть у него такая черта характера. Он никогда не действует вслепую, всегда сыплет подсказками со своего барского плеча. Надо лишь суметь их разглядеть.

А мерзкие звуки из сгущающегося вокруг тумана усиливали когнитивные способности получше всяких БАДов. Слава богу, ну, или кому там, у группы даже не возникло желания задавать глупые вопросы. Судя по всему, сегодня отсидеться в квартале не получится. Ну, конечно, раз уж мы здорово укрепились – самое время кардинально поменять правила. Голос в своем репертуаре.

Оказавшись на улице, я горько усмехнулся. Если бы это был не Голос, то я бы сказал, что кто-то ведет нас в ловушку. Как красивые девчонки с сайтов знакомств приглашают доверчивых простачков в «модное кафе» без цен в меню, где обдирают их как липок.

Сомнение возникало потому, что туман занял все улицы. Он оказался таким густым, что в нем едва заметно проступали очертания домов. Остался только узкий коридор вдоль немногочисленных фонарей, ведущий в одну сторону. Вниз по главной улице. Туда, где раньше жили людоеды.

– Идем, не отстаем, – я вытащил «Вал», переходя в боевую трансформацию.

Однако стоило мне добраться до перекрестка, как я вернул себе человеческий облик. Потому что фонари внезапно загорелись сильнее, разгоняя серую взвесь. А сверху, чуть выше уровня глаз, появилась строчка:

До закрытия коридора к условно-безопасной зоне – 46:00, 45:59, 45:58...

– Боевую трансформацию можно пока скинуть, – сказал я. – Но будьте начеку. Оружие всем достать. Крыл, отдай автомат Психу, вот тебе пистолет. Поверь, так будет лучше. И давайте не задерживаться, быстрым шагом.

Всего лишь пару недель назад мы были легкой добычей, однако теперь все вооружены до зубов – четыре автомата, ружье, пистолеты. И прокачаны, как бы выразился Крыл, по самое не балуй. Кто бы ни высунулся из тумана, мало ему точно не покажется. Хотя я и надеялся, что подобного знакомства мы сможем избежать.

Едва мы начали движение, как фонари позади стали гаснуть. Туман двигался за нами, не спеша, но вместе с тем не отставая, точно живое создание, целью существования которого стало наблюдение за небольшой горсткой людей. Я чувствовал тяжелые ненавидящие взгляды на своей спине. И это была не Гром-Баба, которая страсть как не любила пешие прогулки. Из тумана за нами следили, и явно не чтобы изучить строение высшего представителя отряда приматов.

- Голош никогда не прошил, чтобы мы выходили наружу во время волны, - заметил Слепой, держа наготове ружье.

- Он и сейчас не просил, - ответил я, то и дело поглядывая назад - не решил ли этот слишком осязаемый туман прибавить ходу. Пока все было вроде нормально. - Мы могли остаться в квартале. Только мне почему-то кажется, подобное решение нам бы очень сильно не понравилось.

- Я чувствую там кровь, - внезапно сказала Алиса.

Выглядела девушка странно, словно наполовину застыла в боевой трансформации. Белки глаз залиты кровью, будто лопнули сразу все сосуды, кожа почти белая, но появления ужасных ногтей с плохим маникюром и метаморфоз с лицом не произошло. И на том спасибо. Получается, можно не до конца переходить в боевую трансформацию, тратя лишь часть силы? Что ни день, то новости.

- Что значит чувствуешь кровь? - спросил я, невольно вздрогнув, когда встретился с ней взглядом.

- Существа из крови. Как мы. Но не люди.

- Псих, погляди, сколько их, - я почему-то машинально поднял «Вал».

Крикастый товарищ выполнил приказ, после чего растерянно посмотрел на меня.

- Семеро. Всего семеро.

Угу, «всега». Если вспомнить Чебурашку, то его хватило и одного, чтобы почти разнести нас в пух и прах. А семеро непонятных тварей, которые состоят из крови, быстро передвигаются и только и ждут, как над нами погаснет фонарь, – это вообще ни разу не пустяк.

И еще меня интересовало, куда мы должны успеть за сорок шесть минут. Даже эта предельная точность Голоса невероятно бесила. Если двигаться легкой трусцой, то мы уйдем за кварталы людоедов. Туда, где... Где хрен знает что происходит. Туда, куда никто из нас не хотел забираться. Голос, сукин сын, что ты там задумал?

Но что меня смущало еще больше – после обрушившегося ливня Город ничем не пах. Ни свежим воздухом, ни растениями, ни землей.

Ладно, будем рассуждать логически: запах «свежего воздуха» – это запах озона. Он образуется во время вспышек молний. А таковых я не видел.

Запах растений – это эфирные масла, которые выбиваются дождем из листьев и цветков. Вот тут уже странно. Город не весь закован в бетонные кандалы, тот же парк рядом.

Что до земли – ею пахнут циано- и актинобактерии, которые живут у поверхности. Про это мне рассказал один... один... кто-то там один. В общем, вот землей пахнуть точно должно было.

Однако обоняние сигнализировало о пугающей стерильности.

– Крыл, понюхай, чем пахнет в округе.

Пацан перешел в свое мушиное обличье, втянул воздух и тут же вернулся обратно. Выглядел он несколько смущенным, будто подросток, посмотревший коитус родителей. Ну да, именно так, когда застал нас с Алисой.

– Дядя Шип, можно я на ухо скажу?

– Крыл, что за детский сад? Давай говори уже.

– В общем... тут только нами пахнет, – покраснел пацан. – По?том в основном.

– А эти, которые в тумане?

– А они – нет.

– Угу, мертвые не потеют, чтоб тебя.

Сказал, а у самого мороз по коже прошел. Что, если это и правда так? Нет, бред. Мертвые не потеют, но воняют почище живых. К тому же Алиса сказала, что в них кровь. И эти твари – не люди. Ставлю на нибируанских ящериц. Ну вот почему я не оказался в мире плюшевых зайцев или там, где вместо морей – разливное пиво? Мне же достался Город!

Вскоре мы то ли быстро прошли, то ли медленно пробежали квартал людоедов. Вот тут уже пахло гарью, жженым пластиком и дегтем. Хотя не пахло – воняло. Мне было любопытно взглянуть на пепелище. Наверное, это болезнь из разряда «всех преступников тянет на место преступления». Хорошо, что Голос избавил меня от такого необдуманного шага. Двор бывшего квартала людоедов был не освещен, к тому же мы оказались довольно сильно ограничены во времени.

Собственное местоположение я определял с помощью нашей интерактивной карты. Судя по тому, что Крыл изредка закатывал глаза, он делал то же самое. И все бы хорошо, вот только скоро исследованные окрестности закончились, а таймер неумолимо продолжал отсчитывать оставшееся время.

До закрытия коридора к условно-безопасной зоне: 4:48, 4:47, 4:46...

Видимо, пора растрясти жирок.

– Бегом! – скомандовал я, переходя на легкую рысцу. – Не растягиваемся.

Фонари, точно среагировав на изменение нашей тактики передвижения, пару раз ослепительно мигнули, после чего их свет стал тусклее. А туман, подобно хищному зверю, почуявшему кровь, сдвинулся вокруг нас. Мне казалось, что я

различаю тени, движущиеся в нем, горящие глаза существ, их жаркое дыхание. Страх обжигал каленым железом, горячий пот струился по спине, дыхание стало прерывистым и дрожащим. Но не от бега. От накатившего ужаса.

– Быстрее, – срывающимся голосом приказал я, лишь огромным усилием воли остановившись, чтобы проверить группу.

Гром-Баба, как и следовало ожидать, отстала. Ее тянул за руку Слепой, однако это было похоже на жесткую сцепку «ЗИЛа» и «Запорожца», где последний пытался вытянуть грузовик.

– Громуша, можно с ускорениями, – подсказал я. И тут же заметил, как держится за бок пацан. – Крыл, лети. Только не удаляйся от нас. Живее, живее, осталось немного.

Понятное дело, я блефовал. Потому что в душе не представлял, сколько до этой треклятой безопасной зоны. Но все еще надеялся на лучшее. А что остается делать в Городе?

Поэтому, когда свет впереди стал ярче, я даже прибавил ходу, хотя сил бежать уже не оставалось. Более того, ускорились и все остальные, громко стуча подметками кроссовок и ботинок по разбитому асфальту. Еще немного – и мы ворвались на ярко освещенный перекресток, по периметру усеянный фонарями, как елка новогодними игрушками.

Странное было место, и это даже учитывая специфику Города. Две улицы одинаковой ширины с будто укатанным большегрузами асфальтом, без малейшего намека на хоть какой-нибудь мусор. Пустой, чистый, освещенный. Точно некто приготовил его специально для нас.

Вы в условно-безопасной зоне.

Но таймер даже не думал прекращать свой отсчет. Учитывая специфику Голоса и все волны, через которые мы прошли, когда появятся нули, что-то должно случиться. Что касается сюрпризов, тут Голос впереди всей планеты. Потому что

главным в этой «безопасной» зоне было слово «условно».

– Всем перейти в боевую трансформацию! – приказал я. – Оружие к бою!

Хорошо работать с подготовленным коллективом. Все без всяких разговоров перешли в режим боевой трансформации и присели на колени для более прицельной стрельбы.

Я бы хотел сказать, что мы стояли плечом к плечу, однако из-за иголок Слепого сделать это было довольно сложно. Да и Крыл, явно волнуясь, чуть подрагивал крыльями. Не то чтобы это как-то мне вредило, однако сейчас, когда нервы натянуты, будто гитарная струна, довольно сильно раздражало.

00:03, 00:02, 00:01, 00:00.

Дойдя до нуля, таймер попросту погас. Ну, и что припас для нас Голос? Я рассматривал туман поверх прицела «Вала», готовый к любому повороту событий. А когда фонари мигнули, чуть переместил палец с предохранительной скобы на спусковой крючок. Ну же, давай, кто бы ты там ни был.

Туман медленно, по-хозяйски сдвинулся с места, заползая на площадь. Он неохотно огибал фонари, точно река, струящаяся по причудливому руслу. Но в то же время на забывал о своей главной цели – о нас.

Я часто дышал, понимая, что напряжен до предела. Мое сердце колотилось как бешеное, с каждой секундой выплескивая все больше адреналина в кровь. Чтобы как-то успокоиться, я стал размышлять на отвлеченные, как мне казалось, темы.

Интересно, как там сейчас обстоят дела у эков? «Предъявил» ли уже Святой Феде и началась ли гражданская война или проклятая волна все сбила? Даже стало любопытно, как весь этот калган в несколько десятков рыл пытается укрыться от тумана. Наползающего, хищного, живого, неосязаемого, но невероятно опасного зверя.

Тьфу ты, вот тебе и отвлекся, только хуже стало. Да, умею, практикую...

- Вон, - дрожащим голосом произнес Крыл, вытянув руку.

Я понял, о чем он говорил. Туман за клубился, уплотнился настолько, что стал образовывать собой фигуру. Хотел бы я подумать, что чего-то. Однако, скорее уж кого-то. Я знаю приколы Голоса.

Когда я обернулся, стало понятно, что так происходило не только перед пацаном. Туман выпускал на волю тех самых созданий, о которых говорила Алиса и которых чувствовал эхолокацией Псих. И ожидать от них благодушного настроения и радостных похлопываний по плечу не приходилось.

Фигуры материализовались неторопливо, будто понимая, что им некуда особо спешить. Семь существ, каждое из которых стояло напротив своего оппонента. Ну да, ну да. Семь тварей - семь людей. Как говорится: «Совпадение? Не думаю». Голос решил устроить стенку на стенку? Очень может быть.

Я не сводил взгляда со своей «цели». Постепенно стало ясно, что туман стряпает нечто похожее на людей. Две руки, две ноги, небольшое туловище. Такое ощущение, что мне достанется рослый карлик или тщедушный взрослый, который часто болел в детстве. Или... Голос, мать твою, ты опять за старое? Ну, не знаю. Отболел я за того пацана, меня теперь этими штучками не возьмешь.

Но туман с упорством слабоумного, который пытался засунуть куб в отверстие для треугольника, продолжал мастерить мне соперника. Худые длинные ноги в джинсах в обличку (никогда не понимал такого - если ты и так тощий, зачем это дополнительно подчеркивать?); белая футболка с серфером, мчащимся по волнам, незамысловато подписанная снизу Bali; костлявые руки, торчащие подобно двум палкам. И сам он весь какой-то нескладный, непропорциональный... И точно мне знаком. В эти глаза я всматривался не раз и не два. В детстве они были голубыми, но с возрастом потемнели, приобретя чуть зеленоватый оттенок. Он растерянно щурится, потому что плохо видит. Минус два на оба глаза. Я говорил ему носить очки, но он не слушал. Не хотел быть очкариком. Волосы каштановые, материнские и длинные. Стричься он никогда не любил. Не мог усидеть спокойно на одном месте, все время возился, будто у него шило в заднице. А полчаса в парикмахерской для него были равноценны пытке.

При этом он невероятно упорный и сильный мальчишка для своих тринадцати лет. Переубедить его – занятие бесперспективное и малоприятное. Он всегда знал, чего хочет. Шел напролом с такой решительностью, с которой я никогда не ходил в атаку. Может, это гены, а может, просто невыносимый характер.

Но все-таки, как же он вырос! Давно я его не видел. Еще пару лет – и из угловатого гадкого утенка этот мальчишка превратится в прекрасного лебедя. Потому что парень пошел в мать. А та была невероятно красивой женщиной, хоть и с довольно скверным характером.

Он выбрался из тумана, привычно сузив глаза, чтобы лучше видеть, всмотрелся в меня и улыбнулся. Той самой улыбкой, за которую я мог простить ему любую выходку. В его глазах читалась искренняя радость от встречи. Он поднял свои длинные руки и медленно, будто боясь моей реакции, пошел ко мне.

Я никогда не был сентиментальным. Не плакал, когда Лео не влез на плот к Кейт, когда Хатико не дождался хозяина, а по Зеленой миле повели Джона Коффи. Того самого, имя которого слышалось как напиток, только писалось по-другому. Да что там, я похоронил кучу боевых товарищей, но не проронил ни слезинки. Потому что мужчины не плачут. Так ведь нас учили в детстве.

Однако теперь, когда я увидел его нелепую пружинистую походку, когда он шел, будто кукла на шарнирах, глаза мои наполнились слезами. Я сжал зубы с такой силой, что заныло в челюсти. Лишь бы выдержать, лишь бы не разрыдаться. А потом опустил «Вал».

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/bilik_dmitriy/gorod-rayony

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)